

ISSN 0869—4788

январь

Югра

1.92

Фото Корченкина Г. Н. «Мужичок с ноготок»

Редакционная коллегия:

В. К. Белобородов

(Редактор)

Н. Д. Иванов

(художественный редактор)

Л. В. Луцай

Т. А. Молданова

Технический редактор

Н. Б. Баталова.

Адрес редакции: 626200,
г. Ханты-Мансийск, ул.
К. Маркса, 14.

Телефон редакции 4-12-25.

Сдано в набор 06.01.92. Под-
писано в печать 10.02.92.
Формат 60x84¹/₁₆. Бумага газет-
ная. Печать офсетная. Усл.
печ. л. 3,74. Уч. изд. л. 4,48.
Тираж 6000. Заказ № 157.
Цена 2 р. 50 к.

Отпечатано в Шадринской
типографии п/о «Исеть»
управления печати и массо-
вой информации Курганского
облсполкома. 641800
г. Шадринск, ул. Спартака 6.

В номере:

Из этического словаря прошлого века	2
К 45-летию ЮНЕСКО	3
«Он был, он чувствовал — он жил». (Нравственные раздумья сельского учителя А. С. Знаменского)	4
М. Зябин, Ю. Петрачук. Прерванный полет	11
М. Заплатин. Осень на Тапсуе (окон- чание)	17
А. Первов. Благодатное лето	23
Т. Молданова. Орнаментальное ис- кусство народов ханты и манси . . .	26
А. Зенько. Отношение к огню об- ских угров. Е. Айпин. Золотая Боги- ня Дома	29
С. Сурин. Дом в представлениях шурышкарских хантов	34
К 165-летию поселения декабрист- тов в Западной Сибири	36
Н. Патрикеев. Первые полеты	48
В. Волковец. Стихотворения	50
Т. Козлова. Босиком по морозу . . .	53
Г. Бардин. Под снегом Мирного (Из антарктических дневников)	56
А. Горустович. Голубка-хохлатка . .	63

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ

Одна из актуальнейших задач переживаемого момента, стоящая практически перед каждым из нас — не потерять в нынешнее трудное время человеческого лица. Многие, к сожалению, уже его потеряли, чему неопровержимые свидетельства — повсеместное распространение мелкого бытового хулиганства, пренебрежения нормами общественного поведения, воровства. Общество все больше охватывают потребительско-распределительские страсти, так как существует почва, благоприятная для расцвета хватательного инстинкта.

Обратимо ли это, поправимо ли? Надо и верить в это, и действовать. Мы вправе надеяться, что этому опасному разгулу одичания будет, во-первых, противостоять сила закона. Но не только на нее одну надо уповать. Есть еще не менее авторитетная сила общественного нравственного запрета, которая должна обеспечиваться активностью граждан. Но, увы, она основательно подорвана прочным забвением в советское время норм не только христианской, но и народной морали, о чем говорит крайняя бедность нашего обиходного этического словаря, удручающе очевидная на фоне богатства народной речи прошлого века. Нам кажется, что есть прямой практический смысл в том, чтобы погрузиться в стихию живого великорусского языка, как в источник нравственной силы, а поможет нам в этом Владимир Иванович Даль.

Вспомним хотя бы о таком понятии, как благотворительность. По Далю, **благо** — «все доброе, полезное, служащее к нашему счастью». Это слово породило огромное количество производных, многие из которых ныне забыты, например, **благость** — «высшая степень любви и милосердия; соединение всех добродетелей».

А вот еще несколько прекрасных слов

из этого ряда. **Благоволить** к кому-либо — «быть хорошо расположену, быть милостиву, снисходительну; доброжелательствовать, покровительствовать, принимать участие; соизволять, разрешать, дозволять, соглашаться». **Благовеститель** или **благовестник** — «извещающий радость; вестник блага, добра; проповедник, оглашатель Слова Божия». **Благоговеть** — «страшиться и покоряться, смиряться в ничтожестве своем перед высшим; оказывать безусловное уважение и повиновение; раболепствовать; признавать и безмерно ценить чьи-либо достоинства». **Благодушие** — «доброта души, любовное свойство души, милосердие, расположение к общему благу, добру; великодушие, доблесть, мужество на пользу ближнего, самоотвержение». (Ныне же это такое многозначное слово употребляется у нас почти исключительно только в значении «беспечность». Поразительное и характерное упрощение!). **Благоустроить** — «приводить в хорошее устройство, в добрый порядок». (Нельзя опять не заметить, как строители и коммунальщики своей многолетней практикой исказили истинное простое значение этого слова).

Отрадно, что вновь обретает первоначальный смысл и уважение уцененное в наше время и списанное слово «благотворительность». По Далю, **благотворительный** — «склонный к благотворению; обычно разумеют: готовый делать добро, помогать бедным; об учреждении, заведении: устроенный для призрения дряхлых, увечных, хворых, неимущих или ради попечения об них».

Богатые и замечательные традиции сибирского меценатства работники культуры, особенно в областном центре, настойчиво пытаются сейчас возродить. Нынешней осенью были проведены интересные мероприятия в связи со 150-летием Саввы Ивановича Мамонтова в Тюмени и Ялutorовске, где 15 октября 1841 года родился знаменитый про-

мышленник и меценат. (Кстати, в ноябре редакция газеты «Культура» обратилась к читателям с предложением объединиться в Общество им. С. И. Мамонтова, призванное защитить и поддержать культуру). 25 октября в Тюмени прошел праздник возрождения российского меценатства. Организаторами его были Тюменский союз концертных деятелей РСФСР, представивший свои творческие силы в обширной концертной программе, и Тюменский бизнес-клуб. Результатом этого содружества культуры и бизнеса, возможно, станут со временем камерный или малый симфонический оркестр в Тюмени, фестивали камерной музыки, школа-интернат для одаренных детей, первый Всероссийский конкурс вокалистов имени Юрия Гуляева.

Областные газеты сообщили также о

создании членами Тюменской профессорской ассоциации благотворительного фонда «Спасение интеллекта», цель которого — сохранение и развитие научного потенциала области, и учреждении областного отделения Фонда социального развития России «Возрождение» с представительствами в Ханты-Мансийске и Салехарде. Назначение последнего — в содействии выполнению социальных программ.

Каждый новый день укрепляет нас в мысли, что среди предпринимателей немало людей, понимающих огромное значение культуры для общества и неотложную необходимость в культурном развитии, поэтому будем надеяться, что упомянутые благие примеры окажутся заразительными, и благородное дело меценатства распространится из столицы области по ее периферии.

Наша справка

К МИРУ ЧЕРЕЗ СОТРУДНИЧЕСТВО

В ноябре исполнилось 45 лет со дня создания Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО). Она была создана для того, чтобы, сотрудничая в этих областях, народы всей планеты добивались международного мира и всеобщего благосостояния человечества.

В области образования, которое является ее главным видом деятельности, ЮНЕСКО сочетает программы ликвидации неграмотности с усилиями, направленными на обеспечение всеобщего начального образования и устранение коренных причин неграмотности. Она также содействует подготовке учителей, плановиков и административных работников в области образования и способствует местному строительству и оснащению школ.

В области социальных наук ЮНЕСКО провела исследования по таким вопросам, как напряженность, ведущая к войне, расизм, социально-экономические факторы развития и взаимосвязь между человеком и его средой.

Культурная деятельность ЮНЕСКО сосредоточена главным образом на стимулировании творчества, изучении и развитии культур и охране мирового наследия книг, произведений искусства и памятников, а также сохранении культурной самобытности традиций.

По решению ЮНЕСКО весь мир отмечает годовщины великих людей, исторических событий. Так, 1991 год был объявлен Годом русской литературы и культуры. ЮНЕСКО имеет периодические и серийные издания. Ежемесячный журнал «Курьер ЮНЕСКО» печатается на 32 языках мира.

В последнее время усилился интерес этой международной организации к нашему краю. С ее участием летом 1991 года проведена, в Тюмени Международная конференция «Роль приполярных университетов в развитии северных регионов». Недавно начаты работы по объявлению зоной ЮНЕСКО природно-археологического памятника «Барсова гора» близ Сургута, на его базе создается клуб ЮНЕСКО.

Вся деятельность организации направлена на то, чтобы грамотность, образованность, идеи гуманизма и мира распространялись по всей планете.

ОН БЫЛ, ОН ЧУВСТВОВАЛ — ОН ЖИЛ.

*(Нравственные раздумья сельского
учителя А. С. Знаменского).*

Из старожиллов Сургута покойного учителя Аркадия Степановича Знаменского (1898—1982) помнят, наверное, все, кто к концу 50-х годов достиг хотя бы младшего школьного возраста. Приехав сюда в 1921 году, вскоре после окончания Тобольской гимназии, он более 30 лет преподавал сургутянам математику, физику, астрономию, а кроме этого занимался еще и математическими исследованиями, конструировал и делал собственноручно наглядные пособия и физические приборы, выработывал с годами свою, оригинальную методику преподавания, увлеченно музицировал и пробовал себя в сочинении фортепианных пьес, участвовал во всех значительных общественных делах, а в каникулярное время путешествовал, проплывал по таежным речкам и отшагивал по урманым тропам десятки километров.

В силу своей беспокойной исследовательской натуры Аркадий Степанович умел противостоять школьной косности (а школа и тогда хотела от учеников прежде всего послушания, прилежания и зубрежки «от сих и до сих»). Он рассеивал семена знания с точным расчетом и пониманием человеческой природы, без робости перед возможной неудачей, как земледелец сеет зерно, не будучи уверенным, что каждое из них взойдет после посева.

Все эти годы он был в центре духовной жизни села, вызывая к себе глубокое уважение земляков. От него постоянно исходили импульсы творческой энергии, острого интереса к окружающему. Свет этот и сегодня ярок, и в знак доброй памяти об учителе мы публикуем в этом номере его заметки, которые являются лишь небольшой частью обширного и мало кому известного хранилища мысли, состоящего из двух десятков мелко исписанных школьных тетрадок. В них — философские раздумья об основах нашего бытия: о тайне рождения и смерти, непостижимой сложности живой материи и целесообразности устройства организмов, о Боге и человеческом «я», вере и безверии, религии и атеизме, добре и зле, войне и мире, об общественных отношениях, нравственности, семье, науке, культуре, о красоте и безобразии.

Наблюдая жизнь современного ему общества, «деревенский мыслитель», как Аркадий Степанович со свойственной ему обращенной внутрь сдержанной улыбкой мог бы назвать сам себя, остро чувствовал его несовершенство. Как каждого подлинного гражданина Отечества, его волновали коренные вопросы своего времени. Особенно сильное воздействие на учителя Знаменского оказала война, во время которой он, по собственному признанию, навсегда перестал смеяться, потому что «жизнь — это страшное чудо». Старость его была омрачена неотступными мыслями об опасности всеуничтожающей ядерной войны — омрачена в такой степени, какая может быть присуща только человеку, глубоко любящему жизнь и деяние. «Искусства построить вечный мир не существует. А где же выход?» — спрашивал он себя и упорно искал этот выход. Больше всего строчек в его записках посвящено проблеме войны и мира.

Бесстрашие мысли, не признающей запретов, позволило Знаменскому дать объективный критический анализ состояния общества в то время, когда конформизм был всеобщим явлением. В этом бесстрашии мысли и заключается один из истоков мировоззренческих построений учителя, так же как и в неиссякаемом запасе удивления перед миром, жажде докопаться до начала начал, которая естественным путем приводит к непостижимому. Видимо, Знаменского следует понимать так, что для того, чтобы занять верную позицию в вопросах познания и поведения в обществе, нужно исходить из идеи отсутствия конечной истины, опираясь на нормы христианской морали (которые внушены свыше «Всепроницающим»?).

Несколько слов об особенностях жанра записок. Автор назвал их «Летающими мыслями» (варианты: «Пришедшие мысли», «Кусочки мыслей», «Кустовые мысли»), полагая, что они не вырабатываются в сознании индивида, а приходят извне как явление непосредственного, прямого контакта человека с Космосом и нужна быстрая фиксация мысли, чтобы она не «улетела». (Хотя стоит здесь заметить, что такое понимание приходит в некоторое противоречие с его же настойчивым требованием активности в познании). Поэтому, если попытаться определить форму изложения, то это, конечно, не дневник, здесь нет ни датировки, ни упоминания фамилий, местностей, ни каких-либо деталей, свидетельствующих о времени, когда писались эти строки. Это и не ученый трактат, потому что нет системного изложения, и не эссе. Может быть, духовное завещание? Если это и будет верно, то только отчасти, т. к. многие из высказанных мыслей свидетельствуют о полном отсутствии гордыни и претензий на то, чтобы быть учителем будущих поколений. Это как бы выросшие в черном ящике подсознания единичные, совершенной огранки, мысли-кристаллы. Видимо, все же наиболее точное определение жанра дал сам автор, и то, что вы здесь прочтете, должно называться именно «Летающими мыслями».

Из характерных особенностей формы записок назовем отсутствие литературной отделки, повторяемость и вариативность мыслей (они как бы ветвятся, дают новые отростки), четкая выявленность центральных идей — образов: тропа жизни, черное одеяло земли, пирамида войны, страшное чудо (о жизни) и др., обилие неологизмов (зловолье, тайночувствие, делотворение, суммословие, языковерчение, жизненаполненный, потенцирующий, приказательно и мн. др.).

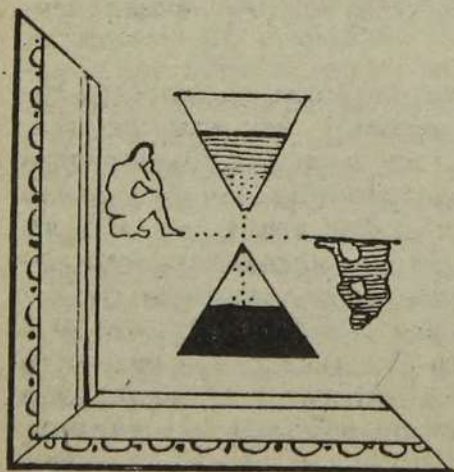
Прочтя то немногое из «Летающих мыслей», что напечатано ниже и относится только к избранным рассуждениям на нравственные темы, читатель, как нам кажется, увидит их автора свободным, самобытным мыслителем. Мы же, имевшие возможность полностью прочесть и перечесть «Летающие мысли», жизнь провинциального учителя Аркадия Степановича Знаменского называем подвигом и видим его в том, что им практически решена задача самостроительства, самосозидания, посильная пока многим, построена оригинальная мировоззренческая система, охватывающая все основные стороны бытия. В самом деле, разве не ответственен человек за то, чтобы в отпущенные ему дни жизни в полной мере осуществилась его личностная сущность и израсходовался духовный потенциал? Может быть, на этом подъеме, в пути и должна завершаться человеческая жизнь?

Есть ли в самом человеке силы души и сердца, чтобы ответить самому себе на вопросы — как я должен себя вести по отношению к окружающим, могу ли я различать добро и зло, доброе и злое, найду ли мерил и сооценки в себе самом и где критерии для этих оценок, понадобится ли мне помощь со стороны, извне (книги, люди и т. д.), что входит в содержание моего «я», чего в нем нет, не хватает и нужно ли ввести в это содержание что-либо необходимое и обязательное?

Проверь, человек, сам себя, свое тайномыслие и тайночувствие, действительно ли чиста и хрустальна твоя душа, и только через поле битвы с самим собой, когда свершится твое раздвоение, к тебе придет свет правды и истины. Тогда ты будешь уже перерожден, ты даже пожелаешь изменить свое имя, чтоб тебе это постоянно напоминало о том, что ты перерождаешься, еще не сдав свое тело в землю.

Господи, подчеркни в моей душе все ложное, ошибочное и неверное!

Некоторые сожалеют о том, что жизни человеку дано мало — недопито вино, недоедены горячие сосиски и т. д. и т. д. Нет, жизни дано столько, сколько необходимо, [чтобы] сделать добрые дела на большой земле, но люди часто этого не делают, не успевают сделать добрых дел и уходят в сырую землю, не пробудив в своей совести, сердце, душе светлые, добрые мысли, чувства, пребывая во власти низменных и животных начал.

В человеческой природе есть интеллект, мыслящая сущность, человеку необходимо размышлять над всем, что вокруг него, обогащаться знаниями и делать свои выводы и вопрошать, когда неясно и непонятно. В человеческом «я» достаточно данных, чтобы разобраться, где добро и где зло, и понять формулу морали «Чего не хочешь себе, не делай другому». Человек должен и может понять эту формулу.

Иногда человек говорит: «Надо бы сделать и то, и другое, и третье». Но посмотришь — часов-то жизни не хватает на дела. Да, экономить нужно часы на жизненной, тернистой тропе, чтобы успеть сделать полезное и доброе людям.

Оглянись назад и тебе покажется, что жизнь совсем коротка (как будто один день) и поспеши в ее краткости успеть сделать больше хорошего, доброго, честного и даже жертвенного для других.

Людская жизнь быстро истекает, резерв часов жизни строго ограничен, строго лимитирован, и мы, люди, все откладываем на «завтра», а в действительности это «завтра» часто уже не наступает — все закрывается черным занавесом вечно-го безмолвия. Это я говорю потому, что пока люди бродят по планете и все время теряют своих друзей, знакомых, близких и родных, нужно не отторгаться от еще оставшихся. Людская близость — это то лучшее, что пребывает на тернистом пути жизни.

Человеку приятно поделиться мыслями, чувствами, впечатлениями, решениями жизненных дел и др.

Хорошо душе и сердцу там, где много сердечных паутин (связей). Тогда и ненастные сырые улицы не навевают грусть и тоску.

Хотя бы и временное человеческое общение душ (а оно необходимо) вливает в сердце какой-то психический эфир и наполняет его силами.

Родственность предполагает в своей основе родство душ, поэтому родство (в лучшем смысле) следует определять не род-

ством крови, а родством душевных и сердечных содержаний.

Приятно, светло и легко быть с друзьями, можно радоваться и можно писать в заголовке письма: «Добрый, светлый день!» И небо голубое, и перистые высокие облака, и ручьи холодные лесные сказочно звучат в глубоких кедровых оврагах и т. д. и т. д. (цветы, травы, мир насекомых и т. д. и т. д.) — все это радует и чарует. Но когда вдруг вспомнишь, что такое жизнь, что таится в человеческих сердцах и душах (войны, преступность и пр. и пр.), как рвутся всякие влечения к жизни, даже нет настроения-восприятия слушать Шопена, Мендельсона, Грига и т. д. И тогда не хочется жить.

Преодо мною горы писем — в коробках, пачках, целлофановых и этиленовых мешочках, в свертках и т. д. Сколько же в них мыслей, воспоминаний, сердечности, грусти, тревоги, томлений! Здесь просуммировались минуты, часы, годы активной души и тяжело и скорбно, когда дорогие авторы этих сердечных слов оставили этот тернистый мир.

Существуют такие душевно-сердечные связи, чистые, как хрусталь, в свете которых тают и меркнут логические словосложения, когда чувства подавляют большое словосложение и оно меркнет в свете этих эмоций. Рассуждения не нужны — они меркнут, как темные листья в ночной мгле.

Берегите чистую, светлую дружественность и сами ее укрепляйте.

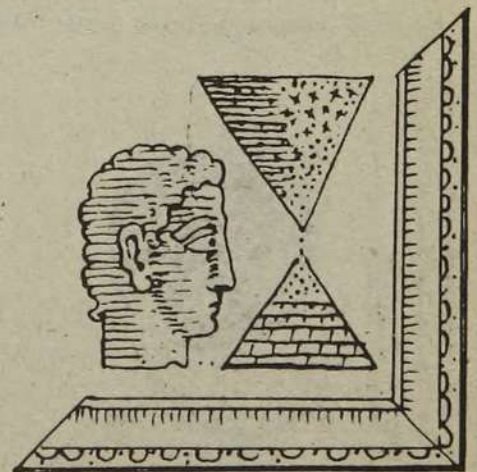
Когда теряешь лесных спутников — душа испытывает горькую потерю.

Томления, тревоги, потеря жизненной нити, волнения сердца и боли души могут быть облегчены истым другом, жертвой его сердца и души, пылающим огнем светлой, чистой правды и совести. Эта сильная, большая жертва в жизни бывает редко, т. е. нужна интимная, правдивая, светлая и хрустальная жертва, безотказная и глубоко чистая, в исполнении друга...

Без подкупов, без приношений и подарков ты сбереги хрустальную любовь.

Бывают в жизни такие положения и состояния в судьбах отдельного человека, омрачающие его жизненный путь, постоянно надрывающие его сердце и душу, когда в сердце вбиваются «скорпионы», а разум бессильно регистрирует эти душевные напряжения, тревоги, бесперспективность шагов жизни на тернистом пути. И никто, кажется, не сможет никогда и ничем изменить эти положения и состояния, этот преждевременный «закат» жизни в 18—20 лет. Стоит вопрос: «Что делать, как же жить, скажите?» И есть на земле последняя надежда, якорь — дверь в бесконечность, петиция к Всепроницающему. Но тот близкий человек (отец, мать, сестра, брат, друг), который это все ощущает и понимает бессилие свое собственное в оказании... содействия в судьбе близкого, родного, дорогого... Содействие, помощь может наступить, прийти, если друг, родной, близкий «принесет» себя в жертву Всепроницающему, т. е. откажется от многих радостей своей личной жизни, вольно отяготит себя томлением, грустью, неложно сдержит слово, данное в ночном шепоте... Здесь нет места экспериментам, лукавым мудрствованиям — это мир интимный и таинственный, это особое душевное состояние.

Я не имею права перевешивать и взвешивать интимный мир другой души и нельзя нигде купить «разновесов» и «гирь» для этого.

В людских отношениях есть такие границы, которых нельзя переходить, особенно в интимно-моральных сферах.

В жизни часто наблюдается — при первых встречах влюбленных горят глаза, льется радость друженности и взаимного очарования. Но проходит малая пауза на часах и в шагах жизни, и глаза спокойно смотрят в глаза спутника жизни и не льется ручей радостной друженности и взаимоочарования. И еще отделяется в пути, на часах жизни пауза, и глаза смотрят злобно (а иногда и зверски), а речь превращается в рычание (и душа извергает мерзость). И так идет жизнь «счастливой и влюбленной пары», пока не произойдет катастрофа жизни — это будет в жизненном тернистом пути последняя «пауза», альфа и омега жизни.

Семья — серьезнейшая задача жизни, весьма ответственная, беспокойная и тревожная и, конечно, трудная.

Людские отношения (особенно в семьях) часто походят на запутанные клубки и неразвязывающиеся узлы. Это вокруг и почти под каждой крышей.

Первовлечения, инстинкты с упрочением и развитием семейственности постепенно отторгаются на последний план, и [жизнь] заполняется эмоциональным и интеллектуальным содержанием.

Сексуальное физиологическое влечение — это только приманка, соблазн,

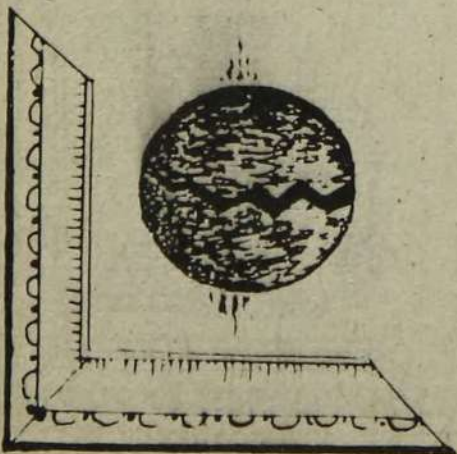
лже-обаяние, доля сатанизма, за которой (приманкой) следует прояснение, отрезвление — появляется малютка (кусочек, «дитя природы»), появляются одновременно заботы, тревоги, беспокойство родителей и идеальная, чистая любовь и радость, за которыми следует обязанность родителей вырастить «крошку» (кусочек природы) и главное — воспитать, привить и внедрить идеи добра.

Иногда вполне состоятельные (материально) родители отдают своих детей в интернаты-школы, видятся с ними раз в неделю, и дети отвыкают от родителей, у них утверждается «холодок» сердечный и равнодушный — задушевность в семье отмирает, родители становятся как бы знакомыми в лучшем случае. Это явление можно назвать отмиранием семьи (похожее свойственно животным), отмиранием чистых, светлых чувств. И тогда родители могут сказать с грустью и болью: «Зачем нам жить? Мы уже никому не нужны». И кажется им тогда: жизнь прожита для того, чтобы в ней разочароваться.

Часто родители смотрят с грустью на своих детей. А где же радость? И что же их заставляет смотреть на своих детей грустно и задумчиво?

Современные дети куда-то «стремятся» от своей семьи, от своих отцов и матерей (некоторые родители их охотно отпускают в океан жизни), не выражая ни любви, ни уважения к отцам и матерям (наоборот, свидетельствуя и проявляя только грубость и даже вульгарность). Они не чтут ни родного трудового родительского дома, ни цветочника и палисадника, ни зеленого огородика. В значительной степени это — ошибки родителей... Родители не внушают преждевременности расставания, жизненных опасностей, не подчеркивают неопытности и прочего. Им (детям) кажется, что где-то там все лучше и интереснее. Со временем, как правило, все же оценивают ошибочность ранних шагов, совершенных вопреки воле родителей. Но часто это осознание бывает поздним и непоправимым.

...В жизненных шагах люди стремятся исходить из экономических интересов

семьи и отправляются в исполнение жизненных планов от этой исходной базы, а уже за этими жизненными шагами стоят определения и понятия «совесть», «любовь», «дружба», «люди и их взаимоотношения», «войны» и т. д. и т. д. А если спросить, что такое совесть, любовь у энциклопедии, то оказывается, что их там спокон веков не бывало. Кого же обстоятельно спросить? Печатное слово — единственное в жизненной практике надежное средство (более или менее) общения с солидными интеллектами — человеческими душами.

Ощущение родины с раннего детства присуще сознанию, но особо оно было обострено в тяжелые годы Отечественной войны, когда гибли безвинно отцы, братья, сестры, вставшие грудью на защиту родины, когда гибли дети, матери, старики-родители, когда горели родные деревни, села, города, когда гибли в дыму и огне вековые накопления и созидания народного труда.

Тот, кто был хладен сердцем и рассудком, не мог не пересмотреть себя и всего окружающего, чтобы ощутить свое гражданское «я» в тяжкие великожертвенные годы народов страны Советов в 1941-45 г. Аполитичным, безразличным к ужасам и судьбам родины может быть только человек, несущий в себе черты преступности.

Сделать совет — неплохое дело, а вот сделать дело — совсем другое.

Что такое праздник? Это день праздности, безделья.

Минут на жизненной тропе осталось очень мало, но задумано и запланировано дел много.

Нередко (и даже часто) большое общение превращается в празднословие.

Возвратившись домой, трудовые люди думают, как лучше провести досуг дома, вне его, зимой, летом, осенью, весной... Дома можно сделать много красивых, изящных вещей — ножом и пилой из дерева, красками и карандашом, художественной обработкой дерева, корней, вязальной и швейной

иглой, иглой для вышивания шелками, гарусами. Интересно прочитать подобранную литературу, прослушать подобранную фонотеку в связи с знакомством с биографиями творцов и исполнителей... А путешествия в близких и далеких краях...

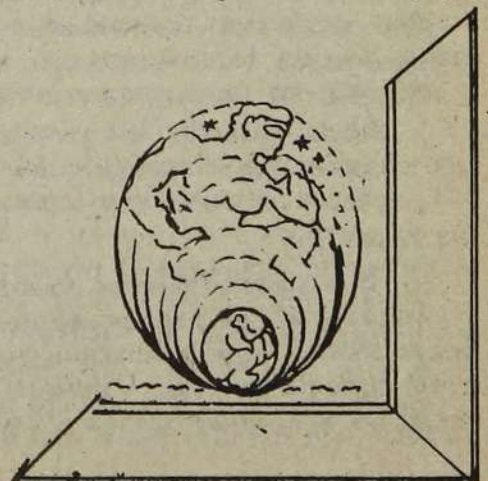
Слишком частые и длительные развлечения (особенно с винопитием) притупляют интеллектуальную силу человека, суживают его ассоциативные образы, объем мышления и логические основы, суживают до минимума мировоззренческие горизонты, воспитывают отупление и приближают сознание человека к полудрежнему... животному... состоянию.

В текущей экономике некоторые не привыкшие и не приученные к труду люди отказываются трудиться «руками», где это нужно и специфично; эти люди спрашивают: а сколько даете в месяц? Труженик (землероб, крестьянин, лесоруб и т. д.) — он сам себя спрашивает: а сколько я сам себе дам в месяц? И тогда он в труде узнает цену своему труду.

Чистые, светлые, теплые, сердечные, хрустальные мысли и чувства — самое полноценное содержание человеческой души, что составляет основное существо человека.

Будь всегда верным тем велениям, тому голосу в твоей душе и сердце, которые вложены в твое «я», Всепроницающим провидением, и это определит содержание твоего жизненного пути.

(Окончание в следующем номере).

Как говорится, «есть вопрос».

Бюрократия имеет заслуги перед революцией: она склеила расползавшиеся части народа, пронизала их волей к порядку и приучила к однообразному пониманию обычных вещей.

А. Платонов. Город Градов.

Тема бюрократизации языка не нова, но и далеко не исчерпана, потому что административное и ведомственное насилие над русской речью, тенденция к ее выхолащиванию и низведению до примитива не прекратились. Достаточно побывать на некоторых совещаниях, чтобы убедиться в этом.

Почти наверняка мы там услышим обещание «порешать этот вопрос» и «определиться с позицией», уверения в том, что «мы знаем о своих недоработках». Мы уясним себе, что в некоем населенном пункте положение «по муке» удовлетворительное и аналогичная картина «по бензину». Если бы при этом кто-нибудь посоветовал на плачевное положение «по русскому языку», из многочисленных предложений которого в обращении оставлен один...

Увы, происходит обратное: едва ступивший на управленческую стезю, даже если он раньше говорил вполне по-русски, старается переучиться и скоро уже, как все, говорит: «План на второй квартал висит в воздухе». Для чиновника мало проявить хорошие деловые качества, он должен еще и продемонстрировать знание кастового квазизыка.

Интересно то, что распространение некоторых очевидных, а порой и явно претенциозных неправильностей в языке имеет характер поветрия. Со скоростью эпидемии распространились в разное время словосочетания «будем так говорить», «я не ошибусь, если скажу, что...», «обращаются оказать поддержку» (с чем обращаются — с просьбой, мольбой, ходатайством, призывом!).

Вот еще несколько подлинных высказываний, характеризующих современную моду в практике делового общения:

- Исторических кадров (в кинофильме. — Ред.) достаточно мало.
- Положение достаточно неблагоприятное.
- С 1965 по 1989-е годы...
- Березовский и Октябрьские районы...
- Почему сегодня 20 лет строится фабрика модельной обуви!
- Мы сегодня не жили в том Союзе, который бы мы хотели построить. Все это звучит не только в обыденной речи, но и широко тиражируется посредством радио, телевидения.
- Несколько примеров в подтверждение:
  - Производится заготовка мяса свинины, мяса лосятины, мяса баранины... (из объявления, переданного по радио).
  - Однозначно в этом году планируем довести до ума зону пляжа... (из газеты).
  - Все холодильники заполнены скоропортим (радио).

Теперь, когда телевизионные и радиопередачи идут в эфир непричесанные, особенно нужен журналистский иммунитет против примитивизации языка, иначе мы рискуем попасть во власть речевого СПИДа. Ведь наши бюрократы привыкли стоять надо всем, не исключая языка и культуры.

В. КЛЕПИКОВ.

ПРЕРВАНЫЙ ПОЛЕТ

...под бременем настоящего часто возникает желание пожертвовать будущим. Требуется немалое мужество и решительность, чтобы вкладывать средства в будущее, преодолевая трудности и кризисы сегодняшнего дня.

Дж. Флетчер, американский ученый.

Несколько лет в г. Урае работает член Комиссии АН СССР по специализированным видам транспорта, руководитель экспериментально-производственного участка, бывший военный летчик и сотрудник конструкторского бюро академика С. П. Королева Марат Константинович Зябин. Убежденный сторонник принципиально нового подхода к разрешению транспортной проблемы, он не только настойчиво доказывает перспективность использования как эффективного транспортного средства в условиях нашего округа дирижабля, но и активно участвует в организации дирижаблестроения. Это и является темой публикуемого интервью, которое у М. К. Зябина взял журналист Юрий Петрачук.

— Дирижабль для Вас, как я понимаю, не только вид транспорта, но и нечто большее?

— Неопровержимо установлено, что чем дальше в необжитые территории продвигается человечество в поисках энергетических и сырьевых ресурсов, тем быстрее встает перед ним проблема передвижения вообще и перемещения грузов в частности. А поскольку источники полезных ископаемых по мере их выработки со все возрастающей скоростью удаляются от обжитых районов, то можно утверждать, что проблема транспорта — это проблема не временная, и ее нужно отнести к основному вопросу экономической стратегии промышленного и социального освоения труднодоступных территорий.

В настоящее время, анализируя уровень технических познаний общества и развития средств производства, приходишь к выводу, что не существует более универсального и всепроникающего транспортного средства, в достаточной степени освоенного мировой промышленностью, нежели дирижабль или его различные сочетания.

Рассматривая общую задачу с этих позиций, приходится сделать вывод о том, что аэростатический транспорт на обозримую и достаточно глубокую перспективу является безальтернативным средством пионерного освоения труднопроходимых регионов планеты и должен приковать к себе самое пристальное внимание отрас-

лей народного хозяйства, непосредственно занятых обустройством новых, промышленно значимых районов, как незаменимое средство удовлетворения жизненно важных общественных потребностей наименьшими силами и с наименьшим ущербом для окружающей среды, а значит и для будущих поколений.

В ряду достоинств дирижабля надо особо подчеркнуть его замечательное свойство, нигде прежде не отмечаемое. Дирижабль — это не только и не столько транспорт, сколько средство прогрессивного изменения технологий во многих отраслях народного хозяйства и прежде всего в индустриализации строительства, в организации по-новому нефте-и газодобычи в труднодоступных районах и на морских шельфах.

В аэростатической технике особенно привлекает то, что дирижабль, в отличие от аппаратов тяжелее воздуха, находится по-существу в эмбриональном состоянии. Его истинные возможности и области применения еще далеко не раскрыты. Работы в этом направлении обещают самые неожиданные результаты и открытия не только в расширении транспортных возможностей и в совершенствовании технологии, но и в сфере социальной. Мы только три-четыре последние года заговорили открыто об упущениях в этой определяющей сфере человеческого общежития, обнаружив в ней постыдные провалы.

К примеру, в условиях северного бездорожья наши возможности в области народного здравоохранения, мягко говоря, крайне ограничены. Общество фактически не в состоянии помочь северянину, нуждающемуся в сложной операции и нетранспортабельному на момент диагноза. Санитарная авиация в таких случаях беспомощна, и врачи знают, что такие случаи нередки. Массовая диспансеризация и оперативная вакцинация населения в труднодоступных районах носит условный характер, и специалисты об этом тоже знают. Статистика не решается говорить об этом вслух, чтобы не подчеркивать лишней раз нашу социальную беспомощность.

Дирижабль снимает эту проблему!

Появятся летающие поликлиники, оборудованные новейшей диагностической аппаратурой и комфортабельными операционными. Это лишь краткая иллюстрация к прикладным возможностям аэростатической техники.

Если уж цеппелины постройки десятих-двадцатых годов были способны поднимать по 113 тонн полезного груза и летать со скоростями 145 километров в час через Северную Атлантику, совершая регулярные пассажирские рейсы без единого срыва вылетов, в любую погоду (Аэрофлоту это недоступно до сих пор), если уж те, по нынешнему мнению, допотопные «сигары» создавали своим пассажирам немислимый для нас сегодня комфорт в виде залов-ресторанов, библиотек, отдельных спальных кают, кинозалов и прогулочных палуб, то чего можно было бы достичь сегодня, располагая современными технологиями в различных областях машиностроения.

— У меня на языке крутится естественный вопрос: если дирижабли так хороши и обладают такими уникальными возможностями, то почему их до сих пор не строят в таких количествах, как скажем, самолеты?

— Ответственно свидетельствую, что основным противником возрождения дирижабля в СССР многие годы являлось Министерство авиационной промышленности. И далеко не случайно. Сумев за полвека своего существования стать монопольным производителем всего, что работает в воздухе, и законодателем «мод

в этом направлении, Минавиапром так же, как и давние евроамериканские железнодорожники с пароходчиками, усмотрел в дирижабле своего конкурента и, хуже того, обузу для своего благополучия. Поэтому ведущую роль в этом антигосударственном подходе к проблеме играли сам министр А. С. Сысцов и бывший начальник ЦАГИ, академик Г. П. Свищев. Именно они с высот служебных положений диктовали свое мнение в Министерстве гражданской авиации, в Госкомитете по науке и технике и в Госплане. Это тот самый случай, когда наш доморощенный промышленный монополизм, взращенный в оранжереях административно-командной системы, взял нашу экономику за горло и держит ее железной хваткой вот уже 30 лет. Я имею в виду дирижаблестроение и не только его.

И вот к такому ведомству три десятилетия кряду апеллировали и строители, и отрасли нефтегазового комплекса в попытках убедить его в необходимости строительства дирижаблей...

— Вы хотите сказать, что надо было бы идти другим путем?

— Абсолютно. В старом подходе, на мой взгляд, проявились две стратегические ошибки.

Первая состоит в том, что по сложившейся схеме, ведущей свое начало с момента образования наркомата авиационной промышленности, многие руководители, нуждающиеся в аэростатическом транспорте, наивно заблуждаясь, настаивали и, к сожалению, продолжают настаивать на осуществлении задачи на базе нынешнего Минавиапрома. Эти руководители, видимо, не знают того, что российское дирижаблестроение возникло практически за 30 лет до рождения этого ведомства. Они не знают, что именно рождение нового наркомата, предназначенного исключительно для развития аппаратов тяжелее воздуха, ускорило ликвидацию уже развившейся к тому времени воздухоплавательной отрасли. Минавиапром СССР никогда не имел своей задачей дирижаблестроение ни теоретически, ни практически, не имея на то ни специалистов, ни производства. Надо, наконец, совершенно четко понять, что Минавиапром — это ведомство, исторически сло-

жившееся как противовес дирижаблестроению, как его антипод.

Именно стойкое непонимание или незнание научно-технической истории вопроса привело впоследствии наше общество к тому, что мы потеряли 30 лет в безуспешных потугах принудить авиастроителей к производству того, чем они отродясь не занимались.

Вторая ошибка, как следствие первой, заключается в смешении понятий «плавание в воздухе» и «летание». Мы не давали себе труда вдуматься в принципиальное различие двух физико-динамических способов движения в воздушной среде, из которого вытекают и различия в теории, в конструировании, в технологиях. Мы исходили из поверхностных аналогий: поскольку самолет и дирижабль работают в воздухе, то и заниматься их производством должны те, кто делает летательные аппараты вообще, упуская при этом, что дирижабль отнюдь аппарат не летательный, а плавательный, рассчитываемый и строящийся совсем не так, как самолет, требующий и иного оборудования и оснастки, и иных специалистов. Навязывать авиапромышленности строительство дирижаблей — это все равно, что требовать от них производства пароходов. Абсурд? Безусловно.

В данном случае сыграли свою роковую роль и инертность мышления, и наша гипертрофированная приверженность к авторитету отраслевых департаментов, порожденных бюрократической системой управления промышленностью, и паническая боязнь ответственности за технический риск. А отсюда и иждивенческое стремление на любом уровне требовать с кого-либо, лишь бы не предпринимать самостоятельных шагов. Насилуя здравый смысл и собственную экономику, мы, как замороженные, десятилетиями требовали и ждали от авиастроителей производства «пароходов». В заорганизованной до уродливых пределов системе ни у кого не доставало смелости сказать, что для дирижаблестроения требуется вполне самостоятельная совокупность производителей со своей наукой, со своей инструментальной базой и технологией, которые все вместе взятые не имеют ничего общего с 80-летним опытом классического авиастроения.

Анализируя историю летания и воздухоплавания, невозможно не ответить на вопрос, почему дирижабли, обретшие уже в начале века коммерческое и военное значение, причем задолго до самолетов, не выдержали в итоге соревнования с аппаратами тяжелее воздуха. Некоторые причины уже названы. Еще об одной — видимо, основной, следует сказать поподробнее. Первые дирижабли намного опередили научные и технологические возможности того времени. Можно ли считать справедливыми нынешние утверждения «теоретиков» из Минавиапрома о том, что в соревновании самолета с дирижаблем самолет оказался во всех отношениях более конкурентоспособным? Конечно, нет.

В то время, когда дирижабли уже обладали грузоподъемностью более 100 тонн и скоростями за 140 километров в час, самолеты не вышли из любительских пеленок. Объективный анализ фактов подводит каждого честного специалиста к единственно верному выводу о том, что на той стадии научно-промышленного развития общества самолет оказался более простым технологически и более проработанным теоретически. Именно эти обстоятельства и выдвинули самолет на передний край в освоении воздушного пространства. Все последующие годы во всем мире шла напряженнейшая исследовательская и конструкторская работа по совершенствованию самолетов, что и сделало их в конечном итоге тем, чем они стали к сегодняшнему дню. Исследования же в области дирижаблестроения затухали год за годом. Все это лишний раз подтверждает истину: чтобы иметь результат, надо работать!

На развитие авиации во всем мире большое влияние оказало и увлечение политиков и капитала проблемами раздела рынков и борьбой за политическое и экономическое господство. Уж тогда они разглядели в зарождавшейся авиации достаточно активную ударную силу в будущих войнах. Авиация привлекла к себе и большое количество талантливых конструкторов, чему в немалой степени способствовала и этносительная, пусть кажущаяся на первых порах, простота самолета, его большая доступность и почти немедленная реализуемость по сравнению с дирижаблями.

Иными словами, не самолет лучше дирижабля, как пытаются доказать его нынешние противники, а в силу конкретных исторических, политических, экономических, научных и технических причин самолет на том этапе оказался проще решаемой конструкцией, нежели дирижабль.

Сегодняшний уровень науки и техники, промышленные возможности, знание коренных недостатков дирижаблей прошлых поколений позволяют уверенно наверстывать упущенное и поднимать аэростатическую машину до уровня достаточной теоретической и конструктивной ясности. Современные дирижабли — вполне надежные, всепогодные воздухоплавательные машины, обладающие большой грузоподъемностью, достаточной скоростью и экономичностью.

— *Западная Сибирь, наверное, самой судьбой предназначена для великих дел?*

— Да, и я категорически утверждаю, что Западная Сибирь по своим геологическим и природно-климатическим особенностям настолько специфична, что все попытки разрешения транспортных проблем на ее территории силами традиционных видов транспорта объективно ведут к экстенсивному способу решения задачи, вынуждают непрерывно наращивать мощности и капитальные затраты на транспорт без достаточной фондоотдачи. Это похоже на погоню за призраком. На старой колесно-гусеничной телеге нам придется гоняться за ним вечно, бесконечно умножая миллиардные убытки из-за нашей транспортной беспомощности.

На Всесоюзной конференции «Развитие производительных сил Сибири и задачи ускорения НТП в регионе» отмечалось, что потери от непригодности серийной техники и материалов к условиям Севера, по расчетам Уральского научного центра АН СССР, составляют ежегодно (!) от 10 до 15 миллиардов рублей!!! Эти расчеты сделаны в 1982 году, а еще 10 лет назад (1971—72 гг.) потери, рассчитанные по той же методике, укладывались в 1,5—2 миллиарда рублей в год. Как видим, идет устойчивое возрастание убытков, объективно заложенных в транспортную технологию освоения северных территорий страны.

— *Главным источником этих убытков, наверное, является не бездорожье, а традиционные системы транспорта, ибо нельзя на зеркало пенять, если...*

— Бурное освоение бездорожных территорий традиционным транспортом породило и продолжает питать пока что никак не решаемую проблему перевозок наиболее рациональным способом. Пытаясь выйти из критического положения, мы породили другую проблему, проблему перевалки и хранения, заполнили бездорожные районы складскими базами, которые в буквальном смысле паразитируют на транспортных трудностях. И хуже того, отвлекая на себя немалые людские ресурсы, технику и материальные средства, перевалочные базы фактически благоприятствуют замораживанию громадных материальных стоимостей на годы, создавая опасную иллюзию, якобы, выхода из положения.

— *Есть еще и речной транспорт...*

— Практическая и теоретическая запущенность транспортного вопроса в нашей стране, отличающейся от большинства прочих государств громадной протяженностью пространства, приводит к тому, что и на пороге XXI-го столетия мы продолжаем злостно насилловать экологию пресноводных бассейнов грузовыми перевозками в таких масштабах, которые равносильны варварству! Особенно большой вред речной транспорт наносит малым северным рекам, биология которых наиболее ранима от чужеродного механического и химического вторжения. Осуществляемое сейчас включение в грузовой конвейер Тюменской области 10 тысяч километров (!) новых водных «путей» по малым рекам неизбежно приведет к непоправимым экологическим, а затем и экономическим и социальным потерям. Если такую варварски-рваческую технологию освоения не остановить сейчас, то за социальное и инженерное недомыслие нынешнего поколения расплачиваться придется нашим внукам.

Речной транспорт при всей кажущейся его дешевизне в силу своих технических особенностей приводит к затягиванию сроков грузооборота, не решает, а наоборот, способствует укоренению проблемы перевалки, сковывает в своих недрах громадные людские ресурсы, занятые

в среднем не более 4—6 месяцев в году, фактически омертвляет в своей структуре баснословные материальные стоимости, выдавая при этом «на гора» всего лишь 4 процента полезной транспортной прибыли в год от общего объема перевозок по стране.

В условиях Западно-Сибирской низменности общие техникоэкономические недостатки речного транспорта дополнительно усиливаются географией водных путей, отличающихся фантастической извилистостью речных русел, пролегающих по низменным рельефам с малым водным стоком.

Анализируя причины низкой эффективности перевозочного процесса на всех ныне существующих видах транспорта, мне пришлось обратить внимание на отсутствие в расчетных формулах учета отношения расстояний по прямой между крайними пунктами перевозок к фактически пройденным расстояниям. Это приводит к тому, что транспортные ведомства, накручивая тонно-километры, не особенно заботятся о выборе оптимальных маршрутов, а речники на вполне «законных» основаниях вводят эти лишние километры в свои объемы, сжигая на них сотни тысяч тонн лишнего топлива, расходуя моторесурс и заработную плату за счет бюджетных ассигнований заказчиков.

При изучении эффективности речного транспорта в Западной Сибири проведены специальные измерения кривизны русла Иртыша по лоцманским картам и обнаружено, что на всем протяжении этой реки указанные отношения расстояний колеблются в пределах от $1/20$ до $1/32$. Если бы такие коэффициенты были введены в соответствующие расчетные формулы экономистов, то все благополучные показатели речников полетели бы в тартарары, а мы избавились бы от наивной веры в красивую сказку о, якобы, фантастической дешевизне этого древнейшего вида транспорта. Столь великий самообман мы вынуждены поддерживать и на пороге нового века в силу нашей полной транспортной беспомощности в районах нового освоения.

Пришла пора покончить с этим постыдным состоянием, освободить живую биологическую среду наших рек от несвойственной для них транспортной работы,

возросшей ныне до губительных размеров, и переложить эти функции на аэростатический транспорт нового поколения. Опыт уменьшения или даже прекращения на отдельных участках речных перевозок уже реально существует с конца 70-х годов на севере Канады в бассейнах рек Юкон и Маккензи.

С точки зрения экологии в пределах севера Западной Сибири невозможен никакой другой промышленно значимый транспорт, кроме воздухоплавательного. Даже рекламируемый в последнее время транспорт на воздушной подушке в этих уникальных условиях неприемлем. И хотя он действительно вездеходен, но настолько сильно взрывает покровный слой земли, что его использование на слабовосстанавливаемых грунтах Севера недопустимо.

В погоне за сиюминутным результатом мы творим многое такое, о чем опасно не ведаем. В частности, при строительстве капитальных автомагистралей на территории Западно-Сибирской низменности, вкладывая в один километр дороги до 1,5 миллиона рублей и рассчитывая на долговременный экономический результат от ее использования, дорожники и хозяйственники почему-то совершенно не интересуются данными исследований той же геологии и ее прогнозами. А они таковы, что в настоящее время наблюдается устойчивый процесс опускания всей Западно-Сибирской низменности, и, следовательно, возрастание заболочиваемости. Что станет со многими дорогами через 20—30 лет? Куда уйдут сотни миллионов, вкладываемые сейчас в бетонные автострады? Почему у нас такой разрыв между наукой и хозяйственной практикой? Ответ, повидимому, следует искать в сложившемся стереотипе временщиков: урвать сегодня, а завтра — хоть трава не расти.

И с этой точки зрения приоритет должен быть отдан развитию воздухоплавания.

(Окончание в следующем номере).

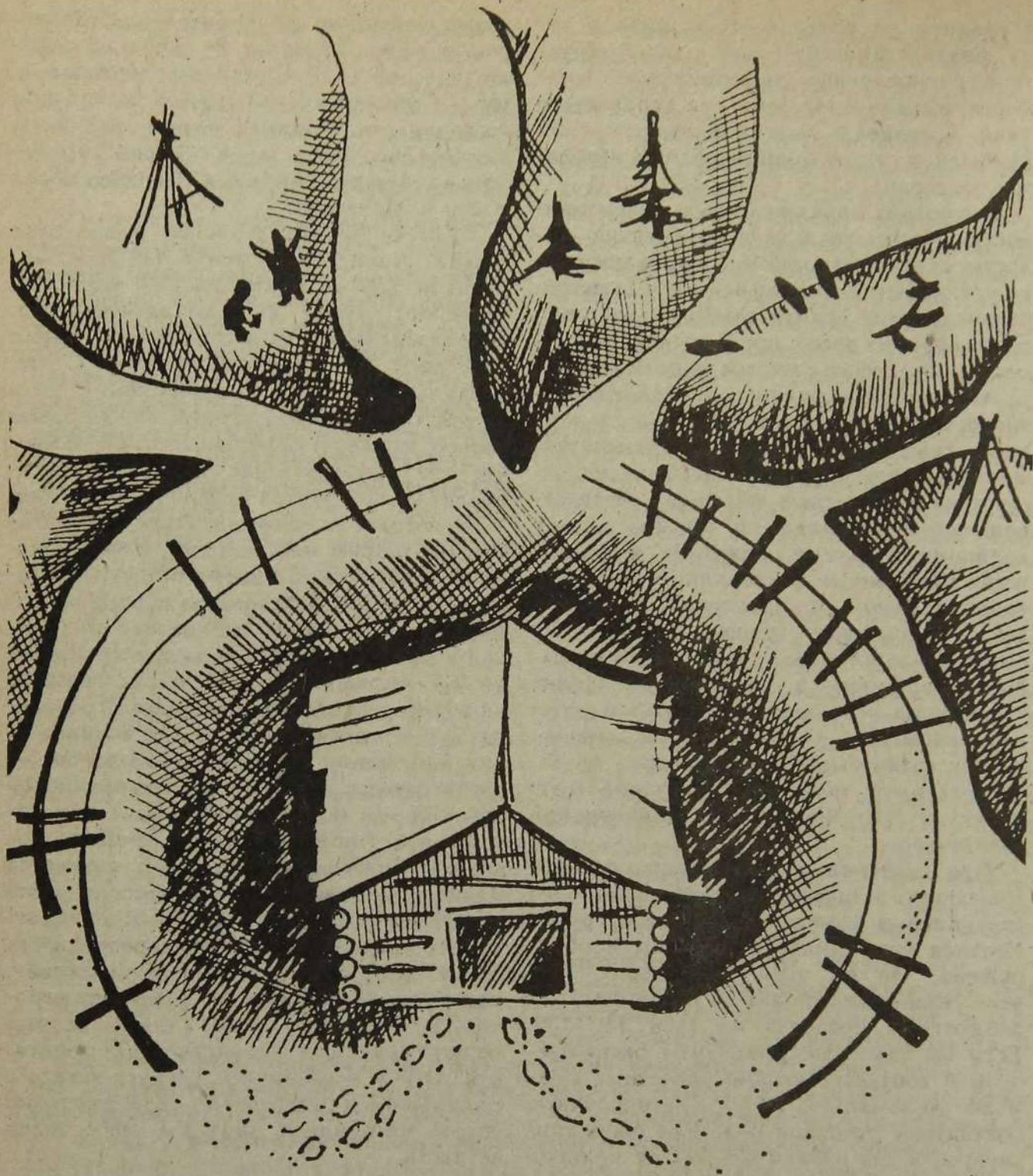

Рис. А. Мухаметовой.

ОСЕНЬ НА ТАПСУЕ

Сизый туман сковал под утро Тапсуей. Стало очень холодно. Услышали голос Герасима:

— О-о, зима началась!

За ночь деревья и трава по берегам, кустарники все покрылось густым белым инеем.

— Быстро костер надо! — засуетился Саша.

— Чай в первую очередь! — кричит Евдя.

Вскоре среди еловой рощи запылало гигантское пламя. Все наше «население» потянулось к нему. Особенно женщины с детьми. После первой же кружки чая нам уже не страшен мороз. С неподнятым настроением бодро готовимся в путь.

Караван тронулся, когда солнце только-только стало появляться из-за горизонта. Еще холодно, но мы одеты тепло: ватные телогрейки, ушанки. Папуев даже полушубок надел и валенки, а на руки — меховые рукавицы.

— Саша, — говорит ему Евдя, — зима-то испугается тебя, убежит.

Наша лодка, ведомая охотоведом, вырывается вперед каравана: надо сделать съемки живой природы. По берегам тянется сплошной сухостой. Сквозь его густую стену, где-то еще внизу, в самой чаще тайги, поблескивало восходящее солнце.

Вдруг слышу свист Папуева. Сигнал этот, как мы договорились, должен означать появление на берегах дичи или зверя. Я оглянулся. Саша показал взглядом вперед. Прямо перед нами перелетали реку сразу три глухаря. Птицы сели одна на берег, другая на склоненный к реке кедр, третья примостилась на вершине сосны. Особенно хорош глухарь, сидящий на кедре. Изящно выгнув длинную шею, он следил за приближением лодки. Уже начинает

беспокоиться, готов улететь. А у меня, как назло, не устанавливается в камеру нужный телеобъектив. Я видел, как птицы разлетелись в разные стороны. Берег опустел, интересный кадр был упущен.

— Эх, какой проморгали случай! — сокрушался Саша.

Не заметили, как и этот день прошел. Завечерела тапсуейская природа: солнышко покраснело и стало цепляться за макушки деревьев, снова готовилось подарить нам неведомую ночь в неведомом лесу.

Показались высокие лесистые берега. На одном из них открытое место, окруженное еловой рощей. Евдя показывает туда:

— Вот и Хулюмпауль. Была когда-то деревня в семь домов, а теперь одна трава растет.

Я с любопытством смотрю на это бывшее мансийское обиталище. Евдя продолжает рассказывать:

— Дедушка-то мой похоронен вон в том густом ельнике.

— Давайте остановимся!

— Да нет. Надо немного дальше проплыть, — сказал Евдя.

Знаю, что манси не любят, когда кто-то из посторонних останавливается на ночлег возле их кладбищ и тревожит вечный покой стариков. Лесная усыпальница предков — это святое место даже для неверующих.

Мы поднялись немного выше по Тапсуе и под большими береговыми елями вблизи реки Хулюмьи выбрали место для лагеря. Разожгли костер. При свете пламени сумерки, как мне показалось, резко сгустились. Наступила темная ночь без звезд, без ветра. Теплая, пасмурная.

Утром с неба сыпала мелкая морось. Шел неприятный осенний дождь. Я взял

ружье и постарался незаметно уйти из лагеря в сторону Хулюмнауля, чтобы взглянуть на могилы предков Евди. Плутать мне пришлось изрядно: ни троп по берегу, ни дорожек. Ничто не напоминало о том, что вблизи когда-то находился мансийский поселок. Путь я держал на чернеющую впереди еловую рощу.

Наконец, вхожу в таинственный полумрак ельника. Да, здесь маленькое кладбище... Оглядываюсь, как вор: не смотрит ли кто? Нет, здесь я, как будто один... Но внезапный гул заставляет мое сердце словно подпрыгнуть — с земли, шумя крыльями, поднимается бородастый «сторож» лесного некрополя — глухарь. Громадная черная птица пронеслась над могилами и скрылась в лесной чаще.

Вот она, усыпальница мансийских стариков! Деревянные срубы над захоронениями сгнили, провалились в землю. Истлевшие плахи склепов густо поросли мхом и ковриками брусничника. Над коричневой древесной трухой свисают спелые темно-красные плоды. Пройдет еще несколько лет, и последнее пристанище давно ушедших из жизни людей превратится в сплошной ягодник.

Я не стал долго задерживаться в ельнике. Любопытство мое было удовлетворено. Можно возвращаться в лагерь.

— А где добыча? — спросил Евдя, увидев меня с ружьем.

Я насторожился: уж не ходил ли он следом за мной и не видел ли глухаря, пролетающего над могилами?..

СЕЛТЫТПАУЛЬ БЛИЗКО

Н АША лодка опять мчится впереди каравана. Евдя с нами.

— Ну, скоро ли будет твой Селтытпауль? — спрашивает его Паша.

— Еще одна маленькая избушка, потом уж будет Селтытпауль.

Проплыли устье речки Лыраки. Чуть выше его — избушка с лабазом и сушильным навесом для мяса. В этой избушке всю зиму будет жить старик Герасим с сыном, который придет к отцу на лыжах позже. А пока Номин плывет с нами до Селтытпауля, в «штабквартиру» Евди, где будут храниться основные запасы продовольствия на всю артель охотников.

Теперь мы плывем в тесном лесном коридоре. Долгое время Тапсуй петляет в темнохвойной тайге. От леса веет настораживающей таинственностью. Собаки нервно следят за берегом. И вот среди леса промелькнуло необычное строение — избушка на курьих ножках.

— Это наша изба Ваныпауль, — говорит Евдя.

— И это твое хозяйство? — спрашивает Павел. — Зачем тебе так много избушек? Ваныпауль... Селтытпауль...

— Эх, Пашка! Сразу видно — не охотник ты! Зимой я ведь от дома за сотни километров ухажу. С собой не потащишь всего, что убьешь. Где-то надо хранить. А когда избушка есть близко в ней и отогреться, и ношу оставишь тяжелую, и выспишься как следует. На снегу-то ведь спать не сладко!

Павел молчит — чего тут возразишь.

Сегодня Тапсуй совсем другой. Высокие обрывистые берега с сосновыми борами. Лес густой, столетний, нетронутый. Река теперь как-будто награждала нас своими великолепными видами за те унылые пейзажи, что видели мы в среднем течении. Это замечательно, что мансийская тайга до самого конца путешествия что-то скрывала от нас и вдруг неожиданно открыла свои сокровенные глубины.

Через несколько поворотов Тапсуя слева к нему выбегает маленькая речка. Евдя радостно оповестил:

— Селтыт! А вон и избушка моего деда!

Мы едва различили под кряжистыми соснами маленькую развалившуюся халупку. Толстые, покосившиеся сосны

широко разметали свои скривленные ветви над крохотным жильем. Редко теперь в лесах встречаются такие великаны-деревья. От них всегда веет далекой стариной.

Поворот влево, поворот вправо, еще несколько раз так же, и на чистом высоком берегу мы увидели традиционные мансийские сооружения-лабазы на длинных сваях-столбах.

— Вот и Селтытпауль — объявил Евдя. — Тут и зимовать будем.

— Селтытпауль... Селтытпауль... — мечтательно и тихо говорит старик Герасим, оглядывая конечный пункт нашего путешествия.

Были в этих словах и грусть, и воспоминание. По-видимому, многое в жизни Герасима связано с этими лесными глубинами. Не один год своей молодости провел он здесь с ружьем. Может быть, именно здесь встретил он свою первую любовь и вспомнил сейчас те далекие счастливые годы.

Евдя приглашает нас в свое жилище. Мы идем через бор по густому ковру брусничника. Вот и дом, стоящий среди просторной вырубki в сосняке. Вокруг него многочисленные поленицы дров на зиму. Невдалеке — маленькая банька.

Изба у Евди большая. Стены снаружи увешаны оленьими рогами. Внутри просторно, светло. Вместительные лежанки по сторонам, большой стол у окна, железная печь... Евдя живет исправно, чувствуется, что он хороший охотник и заботливый хозяин.

В день нашего приезда жена и мать Евди оделись в новые парки, расшитые цветным мехом. И дочку Таню они одели в такую же парку, только маленькую. Широкие подолы этой одежды были украшены интересным мансийским орнаментом, напоминающим следы глухаря на снегу.

С дороги долго пили чай, отогревались, отдыхали. Евдя вышел зачем-то из избы и тотчас же вернулся:

Мансийская печь «кур» выпекает хороший хлеб.

— Белые мухи полетели!

Все бросились к окнам. С неба медленно падали крупные снежные хлопья. Трава и кустарник перед домом постепенно покрывались нежным белым пушком.

— Паша! На съемку! — сказал я и вышел из дома с киноаппаратом.

За нами направились охотники.

В лесу царило полное безветрие, стояло поразительное затишье. словно природа оцепенела перед наступлением неожиданной перемены. Заходящее солнце за тайгой еще освещало вершины сосен, окрашивая их в густой оранжевый цвет. Снежные хлопья, как маленькие парашютики, совершенно вертикально спускались с голубеющего еще неба. На высоте они тоже были окрашены в оранжевый цвет. Но когда, опускаясь ниже, миновали солнечные лучи и попадали в тень, — становились синими. На землю же падали белыми. Чудное мгновение исчезло, как только солнце скрылось за горизонтом.

Первый внезапно выпавший снег на Тапсуе создал своеобразную картину. Травинки согнулись от нежного белого пуха. Темная хвоя сосен красиво опушилась. Снег разрисовал желтые, еще не опавшие листья на некоторых березах.

Здесь, на севере, всегда так стоит теплая осень и вдруг однажды подаст первый голос зима. Посыплются с неба белые звездочки, украсят все кругом. Приплыли мы осенью, а спать ложимся зимой.

КТО В ТАЙГЕ ХОЗЯИН?

Утром Евдя весело говорит:

— Зимовать вам, наверно, придется. Маленькую съемочку сделаем — медведя в берлоге.

Ну, что может быть в тайге интереснее темы о медведях! Она постоянно волнует всех — и охотников, и не охотников. Истории о встречах с «хозяй-

ном» тайги можно слушать, что называется, развесив уши. И никогда не надоест этот вечно интригующий разговор.

Тут мы основательно трянули Евдю со стариком Герасимом и заставили их выложить о медведях все, что они знали.

— Оставайтесь у нас на зиму, — обратился ко мне Евдя, — Найдем берлогу, завалим топтыгина, устроим праздник.

Страшна и рискованна была охота на хозяина леса. Сколько требовалось самообладания, сколько выдержки и спокойствия! Люди рисковали своей жизнью на медвежьей охоте. При охоте большие надежды возлагаются на собак. Лайка — первый друг манси с незапамятных времен. Она и защита его, и кормилица, и вечный спутник в скитаниях по тайге.

Хорошо сказал об этом Евдя:

— Без собаки я что? Только рябчиков могу стрелять!

Старик Герасим со знанием дела добавляет:

— Собака запах зверя далеко чует, слышит каждый шорох в тайге. Лось ли идет стороной, медведь ли проходит где-то рядом — пес мой уже уши навострил, поводит ими, ноздрями играет.

— Правда! — продолжает Евдя. — Глухарь где-то рядом сидит: моя собака знает, а я нет.

Манси без собак в лес не ходят. Успех их охоты в значительной степени зависит от этих четвероногих друзей. И особенно при охоте на грозного властелина тайги — медведя.

И вот находит манси берлогу. Находит ее случайно. Иногда сам, своим острым охотничьим глазом. А иногда логово зверя обнаруживает собака. Охотник не торопится тревожить заснувшего медведя. Запоминает или метит место и поспешно уходит от берлоги.

— Один на один с хозяином лучше не ходить, — поясняет старик Герасим. — Другое дело, когда с ним столкнулся, — деваться некуда. Тут уж не зевай!

Евдя спешит перебить старика:

— Мужиков созываем на помощь, со-

бак побольше приводим. Главное — не выпустить из берлоги медведя!

— Что ты! — поддакивает Герасим. — Прозевал, тогда поминай как звали: вылетит из берлоги пулей.

— Поэтому он только башку показал из берлоги, а ты стреляй! — торопится пояснить Евдя. — А то дело худо будет: выскочит, собак разорвет, да еще когтями кого-нибудь из охотников прихватит по дороге. Глядишь, кто-то из мужиков уже валяется в снегу.

Мы с Павлом слушаем, притаив дыхание, ясно представляя эти страшные минуты охоты. Евдя в рассказе окончательно берет инициативу в свои руки:

— Говорят, медведь — косолапый, неуклюжий. Черта с два! Как выскочит, головы повернуть не успеешь — его уже не видно, удрал.

— Лося свободно на всем скаку догоняет, — успевает многозначительно вставить охотник Герасим.

— Бывает и такое, — хитро взглянул на меня Евдя, — медведь бросается прямо на дерево, на котором сидит человек.

Все, конечно, смеются, поглядывая на меня. Очевидно, представили картину, как разъяренный медведь стремительно лезет на дерево, где я сижу с киноаппаратом.

А Евдя развивает шутливую фантазию дальше:

— Полезет медведь-то к тебе, а ты в него шапкой кинешь. Он подумает — ты валишься с дерева, обеими лапами будет ловить шапку и упадет, убьется.

И пуще прежнего охотники смеются. И я тоже со всеми вместе.

Когда манси убивали медведя — устраивалось большое торжество. Древний обычай требовал до начала пиршества исполнить особый ритуал перед головой и шкурой убитого зверя.

Разговор о медвежьем празднике заронил в мою душу новую беспокойную мечту. Удастся ли когда-нибудь осуществить ее — заснять исчезающий охотничий обряд?

Саша Папуев предупредил нас: — Друзья, с отплытием надо торопиться, в верховьях река уже запаивается льдом...

Несколько дней упрямылась поздняя осень. Солнце пыталось растопить снежную кучу на деревьях, ветер старался сбить ее с ветвей. Тем не менее в природе совсем уже тихо звучала последняя осенняя песня. Значит близился день, когда по-настоящему спустится с неба зима и мансийская тайга будет надолго скована белым безмолвием.

Мы собирались в обратный путь по Тапсуе. Заметно поредел наш караван. С нами теперь были только Папуев, Костя-моторист да старик Герасим. Он спустится на нашей лодке до своей избушки Лыракипауль, там зазимует.

Я слышал, как Евдя на прощание твердил Саше:

— Пока мы охотимся, ты не забывай, что заказали тебе мужики! Петр Дунаев с Василием просили по мотору «Ветерку», Герасим хочет приемник, а мне — и приемник, и мотор «Вихрь». Говорят, машина добрая. Да и о фонариках-то с батарейками не забудь!

В ответ я слышал характерный приглушенный смех Папуева.

— Не волнуйся, Евдя, привезут эту мелочь. Скоро у нас будет посолиднее техника: гусеничный вездеход, несколько «Буранов», обещали большой катер. Заживем!

Хозяин Селтытпауля вместе с семьей стоял на высоком берегу. Провожал нас.

— Надо будет медведя снимать, приезжай, поищем берлогу, — кричал он мне сверху.

Его семья была одета в светлые меховые парки. А Евдя среди них выделялся особенно: крупный, высокий, здоровый. Я любовался им в последние минуты.

— Приезжай! Глухариков-то добудем, — говорил он.

Осень на Тапсуе

— Большой тебе удачи, Евдя!

Наша лодка, украшенная на носу оленьими рогами, быстро помчалась вниз по Тапсуе. Приемник «Спидола», лежавший на моих коленях, разносил

по лесным берегам веселую эстрадную музыку, так несвойственную для этих мансийских мест.

И Селтытнауль скоро скрылся за крутым поворотом реки.

Все, что осталось от медвежьего праздника. Череп медведя после ритуала и празднества вешается на дереве, чтобы собаки не могли грызть.

Фото автора.

БЛАГОДАТНОЕ ЛЕТО

А. Первов

На ближайшей лайде¹ мы устанавливали плавные переметы. Что они представляют собой! Первое — это поплавков т. е. полутораметровый обрубок дерева толщиной 12—15 см. К этому поплавку на крепкую веревку или проволоку привязывался груз, способный удержать лодку. Обычно для этой цели употреблялся крупный камень или связывались мочальной веревкой до полутора десятков обычных обожженных кирпичей — получался надежный якорь, который выдерживал не только течение реки, но и ветер, откуда бы он ни дул, и в лодке можно было сидеть спокойно. К поплавку на толстой бечевке прикреплялся второй дополнительный якорек, чаще всего кирпич. На бечевку недалеко, в 20—30 см., привязывался перемет — длинная снасть метров 12—18 с 20—30 крючками, которые привязывались на поводки длиной по 10—15 см. На них наживлялись дождевые черви, затем крючки навешивались на борт лодки. После окончания наживления лодка от основного якоря отпускалась, одновременно спускался и дополнительный якорь. Лодку несло по течению реки, крючки один за другим спускались в воду и в конечном итоге вся снасть оказывалась в реке. Поводки, на которые крепились крючки, у нас были из какой-то морской травы похожей на волос, такие поводки были много ловчивее, чем нитяные, и, кроме того, при попадании щуки ей не всегда удавалось перегрызть этот поводок. У нас стояло до 5-6 переметов, улов ежедневно был неплохой, бывали дни — снимали до 12—15 язей и подъязков и были ежедневно со свежей рыбой.

Когда впервые стали рыбачить, у нас был большой отход язей. Они срывались. Как правило, язь ловится за губу и, не выдерживая собственной тяжести, обрывается. Нам пришлось для устранения этого недостатка смастерить сачок. Теперь улов стал лучше. Как только рыба показывалась на воде, осторожно поддерживая ее на перемете, подводили под нее сачок, и она оказывалась в лодке. А до этого самые крупные экземпляры, в особенности язей, нам выловить не удавалось, они, как правило, срывались.

Еще мы любили ездить рыбачить в речку Остяцкую, которая начинается против северного края Березова из р. Вогулки и затем через несколько километров вновь впадает в Вогулку. Особенно часто мы ездили весной после ледохода, когда наступало время подготовки к переводным экзаменам. Обычно для подготовки давалось от двух до трех дней. Мы вооружались учебниками, переметами, брали с собой хлеба, соли, садились в лодку и уезжали в Остяцкую. Если погода была хорошая, то проводили там все время, отпущенное на подготовку. На берегу Остяцкой у нас было любимое место на левом берегу возле первого поворота от выхода из Вогулки. Устраивались мы просто на берегу. Разводили большой костер и, если было холодно, грелись возле него. Травы свежей после ледохода обычно не было, и мы пользовались остатками сена, почему-либо не увезенного за зиму. Иногда устраивали шалаш, а чаще ставили против ветра загородку из прутьев и сена. В случае изменения направления ветра эту загородку переставляли с тем расчетом, чтобы тепло от костра нас согревало.

Наши переметы были снабжены в большинстве колокольчиками разного звона. Каждый выставлял по 2-3 перемета и осматривать их приходилось часто, об этом оповещал колокольчик. У кого не было колокольцев, ставили переметы так: к основному колышку привязывался конец перемета, остающийся на берегу. После того, как перемет забрасывался в реку, он немного подтягивался, сантиметров на

¹ Лайда — отмельный измененный берег; прибрежная равнина, подверженная приливам и отливам, обсыхающая в малую воду.

20. Возле основного колышка ставился гибкий прутик, к нему прикреплялся перемет с таким расчетом, чтобы леска между основным колышком и прутиком провисала. Чтобы узнать, есть ли кто-либо на перемете, надо было периодически наблюдать: если контрольный прутик был пригнут к земле, то это говорило, что кто-то на перемете есть. Котелков, чайников и другой посуды мы с собой не возили, но хлеб у нас бывал всегда. Если хотели есть, нанизывали на прутик чебака, вставляя прут в рот рыбы, получалось вертело и на нем прожаривали на огне. При некотором опыте поджарки рыба получалась румяная, с приятным вкусом. А если хотелось пить, то речка была рядом, пили воду прямо некипяченую. И не было случая, чтобы после рыбалки кто-то из нас заболел. За время, проведенное в Остяцкой, мы хорошо подготавливались, нас ведь никто не отвлекал, а рыбалка наоборот давала нам какой-то перерыв в занятиях. Домой рыбу мы всегда привозили свежую, живую, так как отсаживали ее в мережные мешки, и она нормально дышала, организм ее функционировал.

Иногда мы уезжали и подальше — к Деминой или Соровому мысу, но это было уже в то время для нас далеко. До Деминой считалось 6 км., а до Сорового мыса 7. Моторов в то время не было, передвигались на лодках с помощью весел и гребей, а это было очень медленно и отнимало много времени. На переметах ловилась небольшая рыба — чебаки, окуни, ерши, но изредка попадались и недоязки, и язи, еще реже — налимы и щуки. Без улова никогда домой не возвращались.

Чаще всего ловили мы с пристани, на ней всегда было тихо и рыба не пугалась. Дорога к пристани была длинная, широкая, на телегах свободно можно было двигаться в разных направлениях. Выдвигалась она в Сосьву примерно на триста метров. До постройки пристани тут было топкое место, сплошная грязь, и чтобы добраться до парохода, устанавливались неширокие подмости; если кто оступался, то он завязал в грязи до колен. Пристань была построена из бревен на ряжах, сверху уложена толстыми досками из барок. В прежние времена барж не существовало, а строились барки. После сплава их на место прибытия они разбирались и тесанные их доски употреблялись на постройки. На них было большое количество отверстий, в которые забивались деревянные штыри для прикрепления досок к основе барки, часто доски бывали даже метровой ширины, а сантиметров на 70—80 как правило.

Пристань была очень удобным местом для рыбалки, рыбачили мы обычно закидными переметами. Они очень удобно закидывались с высокого помоста пристани, но здесь было и неудобство — пойманную большую рыбу, например, недоязка или язя трудно было поднять вверх, под тяжестью веса рыбы губа обрывается и добыча уходит. Мелкую рыбешку — чебаков, ершей, окуней мы ловили чаще с половины пристани, с более мелкого места. Удобно было ловить здесь на закидную с удилицем, вода была чистая, прозрачная и вся рыба была видна. Бывало, подойдет косяк с десятков и более окуней или чебаков и почти всех их выловишь. Насадку с крючком подводишь почти к самому носу рыбы, конечно, очень медленно и осторожно, и рыбешка бросается с жадностью и в результате оказывается пойманной. У каждого из нас были свои облюбованные места, где всегда скоплялось много рыбешки. Мы именовали их «богоугодными местечками». Главное — на пристани было всегда тихо. Можно было сидеть неделями и не проплывет ни одного парохода или катера, лишь пройдет с ведрами какая-нибудь домохозяйка за чистой речной водой и на этом все заканчивалось. Снова тишина, нарушаемая только пролетом птиц и криком кружащихся возле пристани чаек. Обычно была хорошая погода, тихая, солнце только успеет скрыться, а из вечерней зари возникает новая, и снова светит солнце полной мощью и спать не хочется. Но днем лов был хуже и поэтому часам к 7-8 мы уже собирались домой, таща с собой связки рыбы.

Такая рыбалка у нас была в половодье. Но вот наступала осень, вода уходила, река мелела и пристань приходилось отводить довольно на большое расстояние,

Век долг, да час дорог.

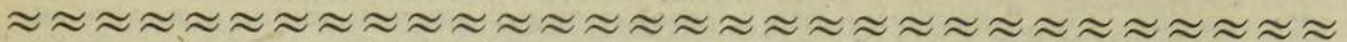
метров на 100—150. Дополнительная достройка производилась легким скоростным методом. Для этого обычно выбирались два толстых бревна с вершиной в отрубе не менее 20 см, на них приколачивался поперек из горбыля настил. Когда эта операция заканчивалась, то все звено сталкивалось в воду. И так звено за звеном выдвигалась новая цепь все дальше в глубь реки, на конце этих звеньев и устраивался небольшой плотик. У такого плотика и останавливались пароходы и катера, а больше всего им пользовались местные жители: подвозили на лодках сено, подъезжали водовозы с бочками да суетливые хозяйки, почерпнув ведра и подцепив их на коромысла, брели с этой ношей в город, проделывая путь до двух километров.

Крайний плотик создавал затишье у воды — течение тут было значительно слабее. Этим пользовалась молодь рыбы-мальки, они густыми стаями скапливались у плотика, а затем серебристым дождем выскакивали из воды, на них накидывались подростки щук, уничтожая их массами. Некоторые ребята добывали мальков для кормления собак; достаточно было раза три-четыре черпнуть сачком, чтобы ведро было наполнено доверху.

Щучонки водились также огромными стаями. В тихой воде они стояли неподвижно, ожидая очередную жертву. Щучонок мы ловили так: на небольшую, в метр-полтора палку-удилище привязывали петлю из белого конского волоса и медленно подводили ее под голову рыбки, затем — быстрый рывок и добыча оказывалась на плотике. Это занятие было очень удачным, часа за полтора при известной сноровке ведро щучек было обеспечено. Продолжалась такая рыбалка до самой глубокой осени. К заморозкам временный настил пристани убирался, чтобы использовать его на следующий год. Все доски, бревна аккуратно укладывались на основной пристани.

Наступали первые заморозки, на Сосьве и Вогулке густым потоком шла шуга. Мелкие речушки, озера, заливы покрывались крепким льдом. В такое время мы отправлялись глушить налимов. Любимым нашим местом была Голчина, отстояла она от Березова километра на три. К заморозкам, когда уходила вода, возле Голчинского песка, где летом ловили сосьвинскую сельдь, образовывалась неглубокая лагуна, ее для отдыха использовали щуки и в особенности — налимы. Течения в ней не было и рыбешки чувствовали себя свободно. Когда лагуна замерзала на 3-4 см, через лед хорошо просматривалось все, в том числе и рыбины. Мы вооружались топорами и, растянувшись стайкой, человек пять, двигались шеренгой вдоль лагуны. Если от кого-нибудь уходила рыбина, она попадала под удары следующих ребят. Заметив рыбину, подходили к ней медленно, бесшумно, стараясь, чтобы тень не упала на нее, в этом случае она спешила уйти. Такая рыбалка не всегда была удачной, большею частью приходилось возвращаться безрезультатно. Вот на этом и заканчивались все наши летние и осенние занятия рыболовством.

Летом мы иногда ловили сырка сетями, для этого обычно выпрашивали у кого-нибудь три-четыре сети и ехали в ближайший сор. В это время всегда можно было рассчитывать, что ты будешь один, т. к. взрослые рыбаки выбирали для себя места подальше от Березова. Рыбалка была довольно удачной, в особенности во время вонзёвого хода сырка, нередко мы привозили домой по два-три десятка рыбин. Любимые наши места были Кысканные курьи и Лямин сор, частенько заглядывали в Коровью лайду, но эта ближайшая к Березову, находившаяся за Вогулкой рыбная делянка давала обычно очень малые уловы и, кажется, кроме нас, проводить время на ней никто не решался. Объяснялось это, видимо, тем, что вокруг этого водоема на лугах паслись коровы горожан, они заходили на лайду для питья и купанья и отпугивали всю рыбу.

Т. Молданова

«Орнамент обских угров давно привлекает к себе внимание своей оригинальностью и художественными достоинствами — богатством форм, многообразием сюжетов, строгостью и четкостью построений», — пишет С. В. Иванов — крупнейший исследователь орнаментального искусства.

Первые публикации мотивов обско-угорского орнамента находим в 1872 г. в альбоме В. В. Стасова и в 1879 г. у венгерского ученого А. Регули. Это были цветные образцы хантыйских вышитых узоров, где развитие получили три категории мотивов: изображения птиц (рис. 1, 1-1, 3), изображения деревьев (рис. 1, 4-1, 6), геометрические мотивы (рис. 1, 8-1, 11). Птицы и деревья, вследствие процессов стилизации, имеют различные очертания, условные формы. Встречаются парные птицы, с различными элементами между ними (рис. 1, 7).

По поводу происхождения орнамента, его связей имеются различные высказывания и теории. Так С. К. Патканов в 1897 году в исследовании, посвященном устному творчеству иртышских хантов, высоко оценивал изделия из бересты и вышивку и указал на сходство последней с вышивками русских, мордвы, зырян, пермяков и татар. Наиболее красивые узоры, по его мнению, носят среднеазиатский характер.

Очень широко распространена в хантыйской и мансийской вышивке композиция из двух птиц и дерева (рис. 1, 7), она встречается также в вышивке русских, карел, но стилистически к хантыйским и мансийским ближе башкирские и чувашские изображения. Эта близость не может рассматриваться как случайное совпадение, т. к. находит свое выражение в целом ряде деталей.

Вопрос о происхождении мотива парных птиц привлекал к себе исследователей. Считается, что подобного рода

изображения проникали к чувашам, а затем к уграм из стран Востока, но есть основания полагать, что взаимоотношения между Востоком и народами Поволжья и Приуралья развивались как в болгарское время, так и в более ранний период, когда роль посредников играли сарматские и аланские племена. Они, несомненно, были связаны с финно-уграми и могли обменивать на пушнину художественные изделия Востока, в частности, Ирана. Позаимствовав композицию из импортных тканей, обские угры придали изображению новую трактовку и упростили форму.

В 1903 году выходит работа финского этнографа У. Сирелиуса, посвященная ремеслам обских угров, а в 1908 г. статья венгерского исследователя В. Шемайера об изделиях из бересты у хантов.

Накопление образцов орнамента приводит к попыткам установления родства народов и их связей на основании орнамента. Например, замечается близость хантыйских вышивок к болгарским. Крупным вкладом в литературу по орнаменту обских угров являются работы «Тобольский Север» А. А. Дунина-Горкавича (1911), «Изделия остяков Тобольской губернии» (1911), написанная группой авторов, публикация Венгерского национального музея (1921), посвященная хантыйским вышивкам, работы крупного специалиста по этнографии обских угров В. Н. Чернецова и др.

Обобщив имеющийся материал, С. В. Иванов в фундаментальной работе «Орнамент народов Сибири как исторический источник» (1963 г.) показывает, что вопросы, связанные с изучением обско-угорского орнамента, сложны. Наиболее трудная проблема — его отношение к декоративно-прикладному искусству современных народов Восточной и Южной Европы, Северного Кавказа, Средней Азии и Южной Сибири. Он указал

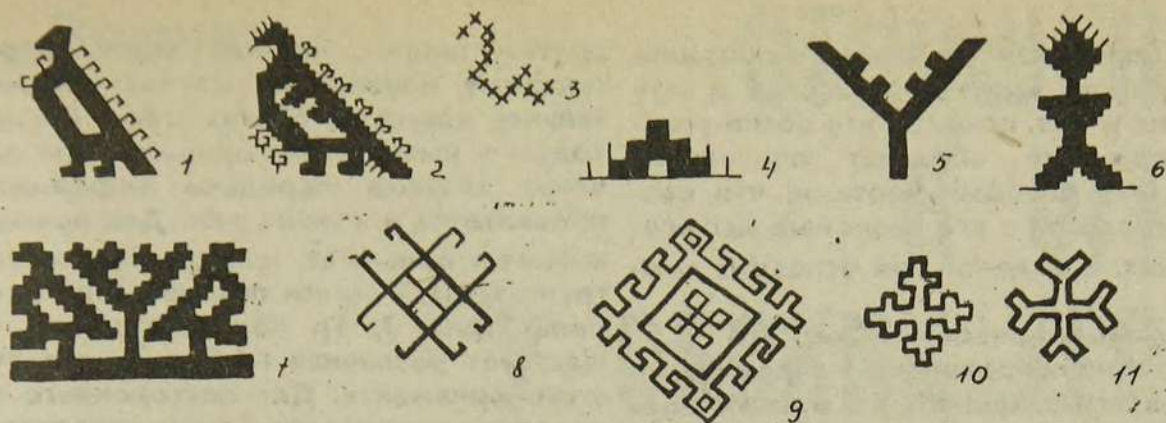

Рис. 1. Разные узоры. Вышивка. Обские угры.

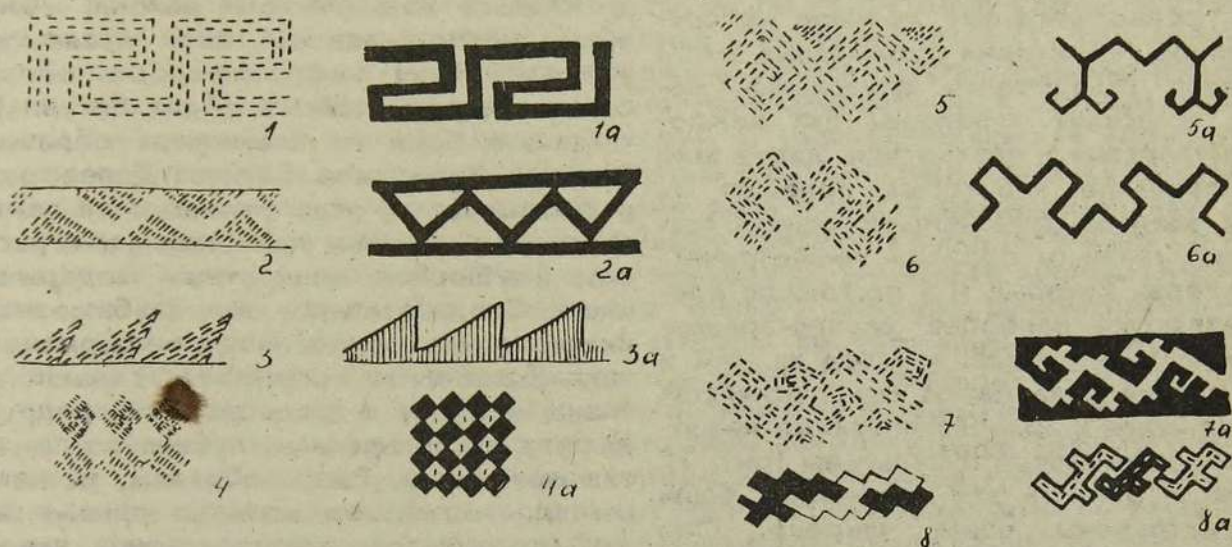

Рис. 2. Геометрические мотивы андроновского орнамента (1-8) и соответствующие им мотивы орнамента обских угров (1а—8а).

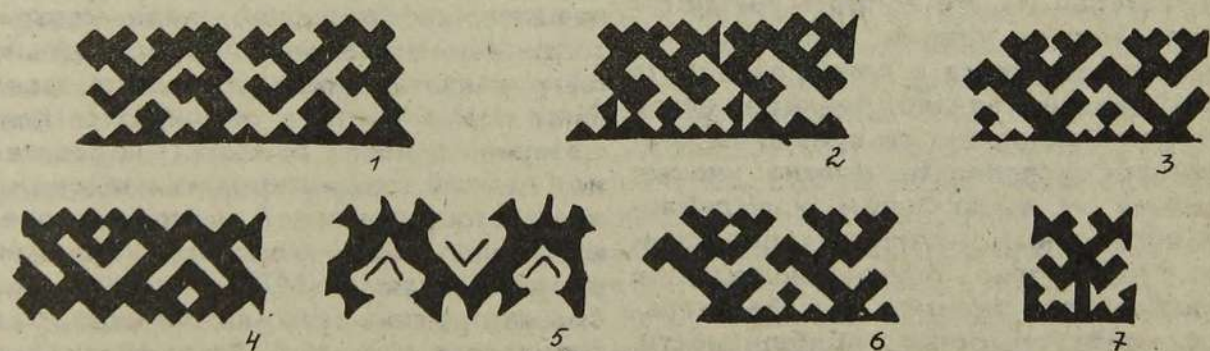

Рис. 3. Мотивы местного-приобского комплекса обско-угорского орнамента.

на ярко выраженные связи с орнаментом народов, живущих к западу и югу от обских угров, показал, что обско-угорское искусство обладает присущими только ему особыми чертами, что позволяет говорить о его национальных особенностях, и выделил три основных комплекса:

1. Местный-приобский (рис. 3)

2. Восточноевропейский, характерный для славянских, финно — и отчасти тюркоязычных народов Европы.

3. Евразийский — у многих народов Европы и Азии.

Как полагает С. В. Иванов, древний фонд орнаментальных мотивов на современной территории проживания ханты и манси складывался длительный период, в основе заложены два компонента-угорский и доугорский, далее шло заимствование некоторых приемов от кетов, эвенков. Древнейшую основу составляют главным образом геометрические узоры, которые и в настоящее время являются наиболее распространенными. В. Н. Чернецов, а вслед за ним и С. В. Иванов показывают связь искусства обских угров с археологическими памятниками андроновской культуры (рис. 2). В эпоху бронзы эти памятники были распространены очень широко. Они открыты на территории Минусинской котловины, Казахстана, доходят до р. Урал, Исеть, до гг. Шадринска, Ялуторовска. Отдельные памятники найдены в Киргизии, Узбекистане, Хорезме.

Каковы вообще условия возникновения орнаментального искусства, какую роль оно играет в истории человеческой культуры? На эти вопросы пытаются ответить многие ученые. Известно, что орнамент появляется в конце палеолита и ему предшествовало реалистическое искусство. Нарастание со временем отвлеченности, условности многие ученые связывают «с нарастанием и углублением ирреальных, магических представлений, все более оформляющихся в анимистическую религию...» и, безусловно, с необходимостью обобщенности, абстрагированности от конкретных черт и, наконец, «скоростности», необходимости быстрой передачи информации.

Важнейшая функция человеческого общения — это передача знаний и опыта

другим людям, прежде всего подрастающему поколению. Изучая орнаментальное искусство обских угров, мы приходим к выводу, что орнамент как знаковая система передачи информации проявляется и в наши дни. Для примера возьмем орнамент, известный у многих групп ханты и манси под названием «соболь» (рис. 3, 1). Как выяснилось, существует различная глубина восприятия этого орнамента. Для постороннего это просто геометрический узор, представитель народов ханты и манси видит в нем лесного зверька соболя, а вот что рассказывала мастерица П. З. Молданова из д. Юильск Березовского района: «Сит вурты нюхас хурал най, питы нюхас хурал най» (букв. «красный соболь образ богини, черный соболь образ богини»), т. е. это один из священных образов Великой Казымской богини. Далее она рассказывает об этой богине, о ее семи священных песнях, наполняя свой рассказ глубинным конкретным содержанием. Следовательно, чем глубже знания человека, тем большая информация закладывается и считывается с данного знака, поэтому в традиционной среде с детства воспитывалась глубина восприятия орнамента. Таким образом, на наш взгляд, во многих мотивах орнамента зашифровывалось мировоззрение народа — это мифология, поведенческие нормы, отношение к природе, которые бережно передавались из поколения в поколение.

В исследовании обско-угорского орнамента и сейчас еще существует много неясного, в частности, это касается определения датировки отдельных видов орнамента, его сюжетов, типов, связей и т. д. Мы наблюдаем процесс дальнейшего развития этого орнамента, возникают новые мотивы, осваиваются новые материалы, новая техника. Следовательно, можно зафиксировать закономерность его развития. В настоящее время изучение обско-угорского орнамента продолжается. В 1979 г. вышел «Альбом хантыйских орнаментов» доктора исторических наук Н. В. Лукиной, исследованием орнамента занимается группа ее учеников (А. М. Сязи, О. Н. Рындина, автор данной статьи), искусствовед Художественного Фонда Н. Н. Федорова и др.

ОТНОШЕНИЕ К ОГНЮ У ОБСКИХ УГРОВ

Ханты и манси, в силу своего родства объединяемые в этнографической литературе под общим названием обских угров, являются коренным населением Ханты-Мансийского автономного округа. На территории округа проживают почти все манси (6,2 тыс. человек) и больше половины хантов (11 тыс. человек).¹

За многие века обитания в суровых таежных районах обские угры создали самобытную материальную культуру, отлично приспособленную к данным экологическим условиям. Вместе с тем развивалась и мировоззренческая система этих народов, отражавшая, частью реально, частью с религиозной окраской, отношение людей к окружающему миру и понимание роли и места человека в этом мире.

Настоящая статья посвящена рассмотрению связанных с огнем обрядов и представлений, которые являются одним из важнейших элементов мировоззренческой системы обских угров. Для освещения данного вопроса использованы, главным образом, материалы, полученные автором во время экспедиций к хантам р. Малый Юган (Сургутский район Тюменской области) в 1988 и 1989 гг. В качестве дополнительного источника привлечена этнографическая литература, в которой, впрочем, не уделяется, на наш взгляд, достаточного внимания столь важной теме.

Как хантыйский, так и мансийский народы не отличаются монолитностью. Они разделены на несколько территориальных групп, занимающих обычно бассейн одного из притоков Оби или Иртыша. Каждая из групп имеет существенные отличия в культуре и языке. В этой связи очень важен тот факт, что представления об огне тождественны у всех территориальных групп. Более того, они в основном совпадают у хантов и у манси. Это обстоятельство позволяет предположить, что сложились данные представления в эпоху угорского единства, то есть еще до новой эры.²

В целом, у обских угров огонь представлялся в образе живого существа. Оно носит название Най-анки (Огня мать) у хантов и Най-эква или Най-нэ (Огня женщина) у манси.³ Это существо обитает в каждом домашнем очаге, а также в кострах, разведенных людьми. Часто огонь считается не местом обитания, а самой Най-анки.

Она почитается как доброжелательный к людям дух, который помогает сохранить благополучие в доме и оберегает его обитателей от болезней. Не случайно юганские ханты в обиходе называют Най-анки «хозяйкой дома». Кроме того, она является одним из главных покровителей семьи. Некрепкие семьи, в которых не было уважения и заботы о детях, не могли рассчитывать на благосклонность Най-анки. Среди обских угров широко бытуют сказки о том, как Най-анки забирает к себе на воспитание сирот или детей, о которых плохо заботятся родители.

Огонь в домашнем очаге представляется также основным защитником жилища и людей от злых духов. Оставляя дома детей, часто обращались к Най-анки с просьбой охранять их от нечистой силы. Распространено мнение, что опутевший дом становится местом обитания злых духов именно потому, что он остался без «хозяйки», то есть без огня в очаге.

Важная роль отводилась огню в погребальном обряде. Пока умерший до захоронения находился в жилище, в очаге постоянно поддерживался огонь,⁴ гроб окуривался горячей чагой. Кроме того, возвращаясь с кладбища после похорон или поминок,

перешагивали через костер, разведенный на тропинке. Упомянутые обряды имели целью обезопасить живых от умерших, так как последние даже произвольно могли причинить зло своим живым родственникам. Одновременно огонь отпугивал и злых духов, охотящихся за душой умершего, находящейся первое время недалеко от тела.

Кроме охранительных, огонь выполнял и очистительные функции. Например, в недалеком еще прошлом женщина после родов должна была пройти ряд очистительных обрядов, в число которых входило и перешагивание через огонь при возвращении домой.⁵ В случае эпидемии добывали так называемый «деревянный огонь», зажженный вращением палочки, вставленной в лунку доски или плахи.⁶ Этим огнем, считавшимся священным, очищались все жители поселка. Данный обряд, как полагали, был самым сильным средством борьбы с эпидемией.

Использование столь древнего способа добывания огня говорит о том, что и верования, связанные с ним, уходят корнями в глубину тысячелетий. Косвенно в пользу архаичности данных представлений свидетельствует необязательность участия шамана в обрядах, посвященных огню, поскольку известно, что шаманство включает в себя культы, возникшие в позднее время.

Обычно к огню обращалась с просьбами самая старая женщина в семье, хотя и для других членов семьи не было каких-либо принципиальных ограничений. Просьба сопровождалась угощением — небольшие кусочки мяса, жира и т. п. бросали в огонь, считая, что Най-анки их съедает. Пища при этом должна была быть чистой и ненадкусанной.⁷ Часто Най-анки угощали во время приготовления пищи — чтобы поддержать с нею добрые отношения. «Дарили» ей также поношенную одежду.⁸

Однако самой лучшей жертвой являлся специально сшитый миниатюрный сах⁹ красного цвета, поскольку таковой считался любимой одеждой Най-Анки.

Чтобы сохранить ее расположение, необходимо было уважительно обращаться с огнем. Запрещалось играть с ним, баловаться, ругать его, бросать в огонь мусор, а особенно резать его ножом. О последствиях нарушения подобных запретов говорится в записанном автором варианте сказки (р. Малый Юган, 1988 г.), сюжет которой широко распространен среди хантов и манси: «В одном поселке жили бабушка с внуком. Не раз говорила бабушка внуку: «Нельзя баловаться с огнем, нельзя колоть его ножом — обидится Най-Анки, плохо нам будет». Но однажды ушла из дома бабушка, а мальчик взял нож и стал колоть им пламя и золу в очаге. Вдруг из огня вышла женщина, у которой была изранена одна половина лица. Это была Най-анки. «Больше ты у меня огня не возьмешь», — сказала она мальчику. Тотчас в очаге погас огонь. Мальчик очень испугался и попытался развести огонь снова, но ничего не вышло. Тогда он побежал в соседние дома, хотел взять огня там. Однако, везде, где он появлялся, очаги тут же гасли. Когда бабушка вернулась и увидела, что в поселке нет огня, она сразу все поняла. С большим трудом ей удалось уговорить Най-анки смилостивиться и вернуть людям огонь».

С помощью этой и подобных ей сказок объяснялось необходимость уважительного и осторожного обращения с огнем.

В приведенном тексте Най-анки выступает как живое и вполне материальное существо, которое можно поранить до крови или даже просто обидеть. Она, следовательно, не мыслилась в полном смысле слова духом — свободной от материальности сверхъестественной субстанцией.

Следует отметить, что Най-анки олицетворяла не любой огонь, а только домашний, то есть тот, который разведен человеком. В отличие от него, лесной огонь юганские ханты называют Пай-най (грозовой огонь). Последний считается чужим и потому враждебным к человеку. Именно он вызывает лесные пожары, представляющие огромную опасность для всего живого.

Самый распространенный способ тушения лесного пожара — пускание встречного огня — известен обским уграм с давних пор. Встречный огонь разводят люди и потому он считается своим, «хантыйским» огнем и его соответственно называют Най-анки.

В 1989 г., когда лесной пожар подошел к поселку Киня-мино на Малом Югане, жи-

тели поселка пустили встречный огонь, предварительно совершив жертвоприношение Най-анки. В костре, разведенном для встречного пала, был сожжен небольшой красный сах. Интересно отметить, что шил его самый старший в поселке мужчина. Обряд сопровождался просьбой защитить людей от чужого огня.

Полагали, что встречаясь, Пай-най и Най-анки вступают в борьбу друг с другом. Сильный треск, раздающийся при столкновении двух огней, — свидетельство этой борьбы. В единоборстве всегда побеждает Най-анки, так как «хантыйский» огонь сильнее лесного.

Сходные представления о двух видах огня бытуют также у манси. Кроме того, юганские ханты почитают еще одно сверхъестественное существо, олицетворяющее огонь — это Терс-най-анки (Морского огня мать). Этот мифологический персонаж также представляется в образе женщины, которая обитает в море, «там, где оно становится огненным». Терс-най-анки — считается самым старым, хотя и не главным, божеством. Она родила Солнце и Санки — верховное небесное божество юганских хантов. По некоторым данным она является создательницей Земли, которую подняла со дна моря, существовавшего изначально, и даже людей.

Нет никаких сведений о взаимосвязи Най-анки и Терс-най-анки. Однако их сближает то, что последней также приносили в жертву красный сах, который является, как показано выше, одним из главных атрибутов Най-анки. Совершая жертвоприношение, сооружали небольшой березовый плот, на нем разводили костер, а в костер клали специально сшитый сах. Затем плот пускали по течению реки, так как вполне справедливо полагали, что река вынесет его в море, то есть к месту обитания Терс-най-анки. Проводятся такие жертвоприношения индивидуально или всем поселком. Их цель — испросить благополучие и здоровье жертвующему и его семье, обезопасить себя от несчастных случаев на воде.

Видимо, воззрения, связанные с Терс-най-анки, имеют общие корни с представлениями о Най-анки, но сформировались гораздо позднее. Об этом говорят их более развитые формы и тесная связь с пантеоном верховных духов. Здесь мы сталкиваемся с более персонифицированным осмыслением огня, включенным в мифологическую систему, освещающую картину сотворения мира.

В комплексе представлений о Терс-най-анки четко прослеживается роль огня как созидającego начала, которому принадлежит прерогатива зарождения жизни во вселенной (создание Земли, рождения Солнца и верховного божества, а по некоторым вариантам и первых людей). При этом сама Терс-най-анки, как и Най-анки, не была никем сотворена, а существовала извечно.

В то же время огонь может быть и разрушительной стихией. Этот аспект отражен в представлениях о чужом (лесном) огне. Но, как мы видели, огонь разрушающий — начало принципиально более слабое, чем огонь созидающий.

В данной работе рассмотрены лишь основные моменты отношения к огню у обских угров. Тем не менее они дают возможность в полной мере оценить огромную роль, которая отводилась огню в традиционном мировоззрении хантов и манси.

В настоящее время большинство элементов традиционного мировоззрения утрачивает постепенно свою социальную значимость. Представления об огне затронуты этим процессом в меньшей степени: Правила уважительного обращения с огнем и соблюдения ритуальных запретов по отношению к нему настолько прочно закреплены в поведенческих стереотипах, что ими руководствуются в подавляющем большинстве случаев не только люди пожилого возраста, но и молодежь.

Устойчивость данных представлений обусловлена, вероятно, тем, что огонь на протяжении многих веков был одним из ведущих факторов, обеспечивающих жизнедеятельность человека в суровых климатических условиях Сибири.

Примечания

1. Брук С. И. Население мира. Этнодемографический справочник. — М., 1986., с. 788—789. Остальная часть хантыйского народа расселяется, в основном, в Ямало-Ненецком автономном округе.

2. Ученые полагают, что обские угры сформировались в II тыс. до н. э. См.: Соколова З. П. К происхождению обских угров и их фратрий (по данным фольклора). — Традиционные верования и быт народов Сибири. — Новосибирск, 1987. с. 121.
3. Чернецов В. Н. Источники по этнографии Западной Сибири. — Томск, 1987, с. 30. Другой вариант перевода — «огонь—мать», «огонь—женщина».
4. Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Васюганско-ваховские ханты. — Томск, 1977, с. 158.
5. Жеребина Т. В. Пережитки культа природы у некоторых народов Сибири. — Научно-атеистические исследования в музеях. — Л., 1987, с. 70.
6. Чернецов В. Н. Указ. соч., с. 45.
7. Кулемзин В. М. Человек и природа в верованиях хантов. — Томск, 1984, с. 56.
8. Новикова Н. И. Новые материалы о духах-«хозяевах» манси. — История, археология и этнография Сибири. — Томск, 1979, с. 149.
9. Сах, сак (хант.), сахи (манс.) — женская одежда распашного типа.
10. Новикова Н. И. Религиозные представления манси о мире. — Духовная культура народов Сибири. — Томск, 1980, с. 99.

ЗОЛОТАЯ БОГИНЯ ДОМА

Е. Айпин

Когда отец был в отъезде, и мы оставались одни, вечером, укладывая спать, мама говорила нам:

— Спи спокойно, с нами Огонь-Матерь...

Но Огня я не видел. Лампу на ночь тушили — берегли керосин. Гас и Огонь в чувале. И дом наш к утру довольно крепко выстывал. Бывало, в холодные ночи питьевая вода в куженьках покрывалась корочкой льда. Зная это, с вечера мама укрывала меня с сестрами лучшими меховыми ягушками.

Вроде бы ночью Огня в доме не было. И на мой недоумеющий вопрос мама отвечала:

— Ты не видишь Огонь-Матерь...

— Почему!

— Я укладываю ее, когда ты уже в постели...

— Ты Огонь укладываешь спать!

— Да. Когда папы нет, мы спим с Огнем.

— А как это ты делаешь!

— Дождись вечера, посмотришь.

— Ладно, — согласился я.

Почему это я ни разу не видел, как Огонь укладывается спать, подумал я.

Впрочем, это было не мудрено. Ведь когда я засыпал, мама еще бодрствовала. Она вечно что-то делала, никогда без дела не сидела: то шила, то выдывала шкуры, то плела нити из сухожилий оленя или лося. Утром же, просыпаясь, видел, как она хлопотала по дому. Было такое впечатление, будто она не ложилась спать.

Вечером я сел у чувала и стал дожидаться, когда мама управится со всеми делами по дому и уложит спать Огонь очага.

— Сейчас уложу Огонь, — сказала наконец мама.

Я придвинулся поближе к чувалу.

Мама взяла обугленную палку-кочергу и осторожно разгребла золу чувала, затем собрала в эту ямку огненно-красные угли и небольшие головешки с огнем, и, ласково глядя на них, тихо попросила:

— О-о, милая Огонь-Матерь,

Наши души-плоти

Охраняя-защищая,

Имей...

И медленно закрыла золой сверху головни у стенки чувала.

— Все, теперь мы с Огнем, — сказала мама.

— Огонь не погаснет! — удивился я.

— Огонь в золе до утра будет жить...

— Да. А потом что!

— Утром ночевавший в золе Огонь обязательно нужно поднять.

— Почему!

— Так наши предки делали. Если Огонь уложил спать, то утром разбудить нужно.

— Я увижу это!

— Вставай пораньше — и все увидишь...

Наверное, в этот вечер я заснул сразу же, как только добрался до постели.

Ведь я был уверен, что в доме, где ночевал живой Огонь, никто не посмеет обидеть меня. Никто не посмеет тронуть меня. Хотя отца дома нет, но зато

есть Огонь-Матерь, защищающая нас от всех неведомых темных сил. Так, возможно, думали и мои сестры. Им тоже спокойно спалось в доме с живым Огнем, в доме под добрым крылом Огня-Ма-

тери. И мама была довольна тем, что ночные духи-нечисти обходили стороной ее дом и детей.

Утром, едва открыв глаза, я вскочил и поспешил к чучалу. Мама уже хлопотала возле очага. Она разгребла кочергой золу, вывернула остатки вчерашних огненных углей и головешек. Только черно-серый пепел увидел я. И больше — ничего. А мама все тихонько ворошила золу. И, наконец, из самой глубины, из затаенного уголка ямки-ложки выискала несколько огненных искорок Огня.

Жив Огонь очага.

Мы все невольно улыбнулись.

И загудело веселое пламя в чучале. Из маленькой искорки переночевавшего в золе Огня.

Сколько надежд вселяла в нас Золотая Богиня дома!..

Сколько надежд она оправдала!..

О-о, Золотая Богиня Дѳма,
Наши души-плоти
Охраняя—защищая,
Живи!..

Рис. А. Мухаметовой.

ДОМ

В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ШУРЫШКАРСКИХ ХАНТОВ

Одним из информативных источников реконструкции традиционного мировоззрения хантов является жилище. Дом для хантов представляется своеобразным микрокосмосом, в котором все было устроено и упорядочено. Хантыйский дом — это наземная срубная конструкция четырехугольной формы. Обычно дом ставили на берегу входом к реке; для облегчения строительства место для жилища выбирали рядом с лесом. Около него располагались священный амбар и загон для оленей.

Рассмотрим зонирование жилища в горизонтальной плоскости. Порог дома — «оушек» — является границей между чужим и своим миром. В привходном (чаще в правом) углу находился чувал, обращенный в противоположный — дальний угол дома. Стенки чувала состояли из тонких древесных прутьев, переплетенных и обмазанных глиной с двух сторон. Чувалом отапливали помещение, в нем же готовили пищу.

В пространстве между чувалом и стенкой (ближе к двери) находился «Курыль пи ики» — антропоморфная деревянная статуэтка, одетая в семь черных халатиков. Это был «черный дух низа», он стоял на границе с «преисподней». В левом углу над нарами, в 70—80 см от потолка, находился священный угол — «муль таха». На угловой полке — «сун нуруш» — хранились «лонхи» — покровители жилища и семейства. Рядом с ними были изображения душ умерших — «иттерма». Трогать «лонхов» и «иттерма» разрешалось только мужчине.

Интерьер не отличался разнообразием и состоял из устойчивого набора элементов. Противоположную от входа сторону занимали приподнятые над полом (приблизительно на полметра) дощатые нары. Средняя часть нар считалась священной и поэтому была почетным местом для гостей. Там могли сидеть только мужчины, женщине не разрешалось даже прибирать на них вещи.

Суриин Сергей — выпускник Мегионской средней школы № 5, входил в состав Совета школьного историко-этнографического музея. Участвовал в сборе экспонатов, летал с руководителями музея по хантыйским стойбищам. После окончания школы поступил в Тобольский пединститут на исторический факультет. Занимается научной работой по этнографии.

Крыша дома был двускатная. Ее покрывали берестяными полотнищами. Поверх бересты укладывали слой тонких жердей параллельно слегам (в настоящее время вместо жердей используют доски). Потолок дома замыкал чердачное пространство, отделяя его от жилья. Чердак в хантыйском (как и, по данным И. Н. Гемуева, в мансийском) жилище является местом наивысшей сакральной значимости. На чердаке хранились предметы культовой атрибутики, а также семейные духи-покровители. Статус чердака подчеркивается тем обстоятельством, что женщине, как существу «нечистому», категорически запрещалось бывать там. Область человеческого бытия в обычной, повседневной жизни — это пространство, границами которого является, с одной стороны, чердак, с другой — пол жилища. Это отражает представления хантов о Верхе и Низе.

Таким образом, в жилище четко выделяются три зоны — верхняя (чердак и «мульта»), жилое пространство, в котором находятся изображения умерших — «иттерма», и наконец, область нижнего мира, проводником в которую является «Курыль пи ики».

С. СУРИН,
студент Тобольского
пединститута.

ЧЕМУ НАС УЧАТ ДЕКАБРИСТЫ

Заметки читателя

ШАХИРЕВ

Андрей Иванович
(1799-1828).

Поручик Черниговского пех[отного полка]. Из дворян С. — Петерб[ургской] губ. Воспитывался в 1-м кадет[ском] корпусе. С конца 1823 г. адъютант при бригадном командире генерал-майоре Тихановском. Член Общества Соединенных славян.

На поселение в Сургут прибыл в августе 1826 г. А. Н. Копылов и М. П. Малышева (сб. «Декабристы и Сибирь». Новосибирск, 1977), не ссылаясь на источник, утверждают: «На дому и в школах обучали детей либо принимали активное участие в открытии и работе школ... А. И. Шахирев — в Сургуте...»

По словесному описанию внешности художник А. А. Полевой сделал попытку воссоздать портрет декабриста, который здесь воспроизводится в копии. Умер в Сургуте.

Странная Русь: высшими плодами являются люди, опередившие свое время до того, что, задавленные существующим, они бесследно умирают по ссылкам.

А. И. Герцен.

165 лет назад первым из декабристов был поселен в нашем крае — в Сургуте — бывший поручик Черниговского пехотного полка Андрей Иванович Шахирев. Следом за ним прибыли еще семеро. Почти все они жили здесь недолго и были переведены в другие места Сибири, только двое — Шахирев и Фурман — навсегда остались в северной земле.

В номере мы публикуем биографические справки о декабристах, отбывавших наказание в Березове, Сургуте и Кондинске, (ныне — пос. Октябрьское), и некоторые другие материалы.

Рис. А. Мухаметовой.

Один из отечественных исследователей прошлого назвал движение декабристов самой романтической страницей русской истории. В нем действительно заключена особая светлая магия, которая притягивала не только Пушкина, Грибоедова, Л. Толстого, Некрасова, Огарева, Достоевского, Лескова и других деятелей, составлявших цвет российской культуры, но и влечет многих наших современников. Магия эта, по видимому, состоит в большой духовной высоте, на которой живут и руководят поступками людей такие качества, как благородство, бескорыстие, стойкость, самоотверженность, героизм, терпение.

Много ярких личностей принадлежало к тайным декабристским организациям. Были в них талантливые офицеры — как прошедшие войну и увенчанные наградами (Волконский, Орлов, Фонвизин, Глинка, Трубецкой и др.), так и подающие большие надежды молодые, которых отличали император и великие князья и пророчили им большую военную карьеру (Розен, Назимов, Оболенский, Торсон, Нарышкин, М. Пущин). Было немало людей с богатыми дарованиями в других областях деятельности — чиновников, ученых, литераторов, художников, изобретателей, мореплавателей, уже заслуживших общественное признание и тех, чья звезда только еще начинала восходить (Батеньков, Тургенев, Штейнгейль, Краснокутский, Ф. Толстой, братья Николай и Александр Бестужевы, Рылеев, Раевский, Корнилович, С. Семенов, Одоевский, В. Кюхельбекер, Торсон, Чижов...).

Концентрация духа в этой небольшой когорте была очень высокой, не случайно в Сибири возникла «каторжная академия», в которой лекторы в кандалах читали военную историю, стратегию и тактику, высшую математику, физику, химию, анатомию, историю России, русскую словесность.

Многие из декабристов получили дворянское воспитание в семьях, в престижных и привилегированных государственных и частных учебных заведениях, но гражданское воспитание, сильный нравственный, патриотический заряд дали им Отечественная война 1812 года и заграничные походы — включая и тех, кто по молодости лет не мог участвовать в военных действиях. Недаром М. И. Муравьев-Апостол писал впоследствии: «Мы были дети 1812 года». Тот душевный подъем, начало которому положили война,

ЧЕРКАСОВ
Алексей Иванович
(1799—1855).

Поручик квартирмейстерской части. Из дворян Тульской губ., барон. Воспитывался в Моск[овском] университет[етском] пансионе, а с 1816 г. — в знаменитом Моск[овском] учеб[ном] завед[ении] колонновожатых. За труды по съемке награжден орденом Анны 4 ст. Член Южного общества.

По свидетельству декабриста Н. И. Лорера [Записки декабриста. Иркутск, 1984], «После долгого вечернего совещания, что предпринять, на что решиться в случае открытия общества, положили: «Русскую правду» (программный документ Южного общества. — Ред.) припрятать подале, закопав в землю, а для сего уложили ее в крепкий ящик, запечатали, забили гвоздями и отдали на руки Крюкову и Черкасову, чтоб при первом удобном случае исполнить над ней эти похороны... «Отсюда можно предположить, что А. И. Черкасов играл значительную роль в Южном обществе.

В апреле 1828 г. Черкасов из Читинского острога обращен на поселение в Березов, в конце 1832 г. переведен в Ялуторовск, а в 1837 г. — рядовым в действующую армию на Кавказ. В Березове пытался заняться обучением детей, но это было ему категорически запрещено.

ТИЗЕНГАУЗЕН

Василий Карлович

(1779 или 1780—1857).

Из дворян Лифляндской губ. Полковник, командир Полтавского пех[отного] полка. Участник русско-шведской войны 1808—1809 г.г., русско-турецкой войны 1810—1811 г.г., Отеч[ественной] войны 1812 г. и заграничных походов 1813—1814 г.г. Награжден орденами Владимира IV ст. с бантом и Анны IV и II классов.

Член Южного общества. В Читинском остроге — год. С 1828 г. на поселение в Сургуте Тобольской губ., куда прибыл уже после смерти Шихирева, и в Ялutorовске.

ФОХТ

Иван Федорович

(1794—1842).

Штабс-капитан Азовского пех[отного] полка. Из дворян Курляндской губ. Участник заграничного похода, награжден орденом Анны 4-ой ст. Член Южного общества.

В январе 1828 г. из Петропавл[овской] крепости отправлен на 20-летнее поселение в Березов Тобольской губ., в конце 1829 г. переведен в Курган. В 1829 г. полковник Маслов доносил, что Фохт, не получая ничего от родственников, живет токарной работой, а также помогает местному врачу. С 1835 года на его имя ежегодно посылали деньги М. Н. Волконская, жена декабриста.

Декабрист А. Е. Розен так вспоминал позднее о своем товарище: «Держался твердо своих прав и своих мнений, любил спорить и противоречить, но это не мешало ему быть сердобольным к страждущим и больным, исключительно посвятив себя лечению других».

соприкосновение с европейской культурой, горячее желание освободить народ от униженного, рабского состояния, воплотился потом в ряд мужественных поступков и личных подвигов до и во время восстания, на следствии, в долгие месяцы заточения в крепостях и годы каторги и ссылки в Сибирь. Исполненные достоинства, правдивые и остроумные ответы государю и членам Следственного комитета во время допросов, упорный отказ назвать товарищей по тайному обществу, смелые письма царю из Петропавловской крепости стоили некоторым из них несоразмерной поступку кары, лишние лет каторги и поселения за одну только свободу суждений и убеждений. Подвигом отмечены судьбы Сергея Муравьева-Апостола и Петра Каховского, братьев Бестужевых и Николая Панова, Анастасия Кузьмина и Дмитрия Щепина-Ростовского, Михаила Лунина и Ивана Сухинова, Гавриила Батенькова и Ивана Якушкина, Андрея Розена и Павла Выгодского и еще многих и многих.

Погружаясь в глубь истории, в декабристах очень легко открываешь живых людей со своей, у каждого неповторимой судьбой и личным опытом, но и с несомненным отпечатком некоего рыцарского, дружеского единого целого — хотя и спорящего, запальчивого, громкого, но исполненного сознания неделимости связывающего их общественного действия, особенно в сибирский период, когда разность природных задатков, воспитания и образования, меры участия в движении и даже поведения во время восстания и следствия уравнивалась общностью судьбы. Это единство прослеживается на каждом шагу, и о нем немало сказано восторженных и почтительных слов — например, В. Чивилихиным в романе-эссе «Память». Характернейшее явление здесь — братство в его буквальном значении. Не менее двух десятков дворянских фамилий вошли в историю декабризма не в единственном, а во множественном числе: Муравьевы-Апостолы, Бестужевы, Бобрищевы-Пушкины, Борисовы, Муравьевы, Пуцины, Беляевы, Поджио, Крюковы, Кюхельбекеры, Фонвизины...

А рядом с братством по крови — еще более распространенное в декабристской среде дружество, братство по духу. Можно назвать множество прочных, выражаясь языком альпинистов, «связок»: Рылеев, Одоевский, Батеньков-Раевский, Фонвизин-Якушкин, Бриген-Тургенев, Назимов-Нарышкин, Штейнгейль-Мих. Бестужев, Пуцин-Оболенский, Никол. Бестужев-Торсон... Братство это не ослабевало, а крепло с де-

---

сятелетиями, сохранялось и тогда, когда с каторги декабристов разослали — по разным городам Сибири и в разное время — на поселение. Были организованы

Большая и Малая артели — подобие того, что ныне именуется кассой взаимопомощи, но гораздо более одухотворенное и эффективное. Состоятельные декабристы материально поддерживали тех, кто не имел средств к существованию, снабжали их не только деньгами и необходимыми в быту вещами, но и книгами. Это благородное дело, душою которого был Иван Иванович Пущин, имело продолжение и в следующем поколении.

Дружество поддерживалось и перепиской, зачастую нелегальной, но тем не менее довольно обширной. О том, насколько тягостным был цензурный гнет, говорит тот факт, что В. И. Штейнгель на многие годы прекратил переписку со своим другом М. А. Бестужевым, и возобновилась она только после амнистии.

Нужно сказать, что та часть эпистолярного наследства, которая сохранилась и доступна широкому читателю, может служить для нас нравственным уроком большой силы и составляет особую, самостоятельную ценности главу духовного наследия декабризма. В восьмидесятые годы замечательное дело начали иркутские историки и издатели. Они подготовили и выпустили несколько томов серии «Полярная звезда» и тем самым ввели в культурное обращение многие ранее не публиковавшиеся или труднодоступные для краеведов, учителей истории и всех интересующихся этой страницей отечественной истории документы. Читая эти тома, невольно сравниваешь два века и с грустью отмечаешь, что высокая эпистолярная культура того времени ныне стала ненужной.

Нельзя не заметить и того, как в этой общности удивительным образом сочетались братство и разноплеменность. Участниками движения были люди не только русской, но и польской, сербской, украинской, немецкой, французской, грузинской, итальянской крови. Трудно найти более убедительный ответ на извечный вопрос, враждовать ли людям или жить в мире и дружбе, чем тот, что дали декабристы.

Еще об одном никак нельзя умолчать — о педагогической деятельности декабристов. Благородная цель просвещения народа была провозглашена еще в уставе одной из ранних декабристских организаций — Союза

ЕНТАЛЬЦЕВ
Андрей Васильевич
(1788—1845)

Подполковник, командир конно-артиллерийской роты. Участник военной кампании против Франции 1806—1807 г.г., Отеч[ественной] войны 1812 г. Отличился в битве под Смоленском и под Красным. Награжден орденами Владимира IV ст. с бантом, Анны IV класса и золотым крестом.

В Читинском остроге — год, затем поселен в Березове, а в 1830 г. переведен в Ялutorовск. Претерпевал гонения местного начальства. Годы каторги и ссылки делила с ним жена Александра Васильевна. Благодаря ее живому и общительному характеру домик Ентальцевых в Березове превратился в место дружеских свиданий и бесед с Черкасовым и Фохтом.

Умер в Ялutorовске от тяжелого душевного недуга.

ФУРМАН
Андрей Федорович
(1795—1835).

Капитан Черниговского пех[отного] полка, командир мушкетерской роты. Из дворян Киевской губ., сын дворцового агронома-цветовода в Павловском дворце (г. Гатчина). Воспитывался в Горном кадет[ском] корпусе, затем в дворянском полку при 2-м кадет[ском] корпусе. Служил в лейб-гвардии Семеновском полку, после восстания в октябре 1820 г. вызванного бесчеловечным обращением с солдатами, отправлен на Украину. Член Общества соединенных славян.

Приговорен к 20-летней ссылке на поселение в Сибирь и в марте 1827 г. отправлен в г. Кондинск Тобольской губ., где прожил восемь лет, получая небольшие пособия от сестры Натальи — жены известного полярного исследователя Ф. П. Литке.

Умер в Кондинске.

ЛИХАРЕВ

Владимир Николаевич
(1803—1840).

Подпоручик Квартирмейстерской части. Из дворян Тульской губ. Член Южного общества. В Читинском остроге — год. С 1828 г. на поселении в городах Кондинске и Кургане. С 1837 г. — рядовой на Кавказе. Служил в Тенгинском пехотном полку. Убит в сражении с горцами.

«Лихарев был один из замечательнейших людей своего времени... Он отлично знал четыре языка и говорил и писал на них одинаково свободно... Доброта души его была несравненна. Он всегда готов был не только делиться, но [что труднее] отдавать свое последнее». (Н. И. Лорер, декабрист).

благоденствия — и опять же можно назвать десятки имен деятелей движения, активно воплощавших в жизнь эту цель. Следы этой деятельности — в открытии так называемых ланкастерских школ в полках, где начальное образование солдат велось по методу взаимного обучения, школ в поместьях для крестьянских детей, а после, в сибирских городах — для детей разных сословий (выдающихся результатов здесь достигли И. Д. Якушкин и В. Ф. Раевский), в частных уроках, взятии на воспитание чужих детей и повсеместном благотворном влиянии на молодежь. Даже воспитанием собственных детей некоторые из декабристов умели руководить, не видя их почти с самого рождения и до полного повзреления, путем одной только переписки. Здесь можно, сослаться на примеры И. Д. Якушкина и А. Ф. Бригена. И ведь большая часть упомянутого делалась в сибирский период — вопреки запрету властей, со связанными руками!

Видимо, и в том заключается обаяние декабризма, что настроенные на решительное, революционное действие участники движения испытали нравственные мучения перед реальной и близкой перспективой кровопролития, но, отмеченные золотыми шпанами «За храбрость» и боевыми орденами в сражениях с врагом, не смогли пролить крови соотечественников. И далее — не сломились, выстояли, активной духовной деятельностью одолели тяготы опалы, через страдания последовательно прошли своим жизненным путем и утвердили свою бесспорную принадлежность к русской культуре. Подтверждение тому — политические труды Лунина и Фонвизина, литературные сочинения Одоевского, Кюхельбекера, Бестужева-Марлинского, Раевского, Чижова, публицистика Завалишина, переводы Бригена, мемуары Розена, Беляевых, Лорера, Пущина, Поджио, Басаргина, акварели Николая Бестужева и Петра Борисова, музыкальное исполнительство Свистунова, естествоиспытательская деятельность Шаховского, Якушкина и еще многих, медицинская — Вольфа и П. Бобрищева-Пушкина, сельскохозяйственные опыты Нарышкина, изобретения Н. Бестужева и Торсона... И плюс к этому — талант быть «просто» нравственным, порядочным человеком. Вот что оставили декабристы Сибири.

Через оставшихся в России родственников, с помощью сибирских друзей и заезжих столичных чиновников декабристы имели живые связи с русской культурой. Можно назвать имена Жуковского, Герцена, Гоголя. Культура едина и все в ней пронизано глу-

---

бинными течениями, взаимосвязано. «Мир тесен», а «рукописи не горят», и то, что должно по своему достоинству принадлежать к отечественной культуре, несмотря ни на что остается в ней. Даже царь, казалось бы, сделавший все возможное для изоляции декабристов от мыслящей России, как показало время, здесь был бессилён.

Трудно найти более верные и точные слова, чтобы закончить эту статью, чем те, что сказаны Марией Николаевной Волконской, женой декабриста С. Г. Волконского: «...счастье найдешь всюду при любых условиях; оно зависит прежде всего от нашей совести; когда выполняешь свой долг, и выполняешь его с радостью, то обретаешь душевный покой».

В. Кайдалов.

ГОРСКИЙ

Осип-Юлиан Викентьевич
(1766—1848).

Отставной статский советник. За военные заслуги награжден тремя орденами, золотой шпагой за храбрость и знаком отличия военного ордена Георгия.

Членом тайных обществ не был, случайный участник восстания на Сенатской площади. Высочайшим указом 5 марта 1827 г. сослан под надзор полиции в Березов, переведен затем в Тару и Омск. Неоднократно писал доносы на ссыльных декабристов, в которых об А. И. Черкасове, например, сообщал, что «этот человек только дышит республиканским духом» и считает, что «действия монархического правления — все варварские и тиранские», а А. В. Ентальцева называл «непримиримым врагом правительства и законного порядка» и обвинял в тайных торговых сделках. Все обвинения против березовских ссыльных не подтвердились.

Умер в Омске.

ЖИВУЧАЯ БИБЛИОТЕКА

Домашней библиотекой сейчас никого не удивишь. Есть собрания многотомные, в которых всегда найдется что почитать на сон грядущий. Я же хочу коротко рассказать о небольшой библиотеке, принадлежащей урайскому геодезисту, а ныне уже пенсионеру Генриху Николаевичу Сгибневу и имеющей свою в сущности простую, но и примечательную историю.

Все началось с прочитанной в далеком детстве книжечки Слонимского «Черниговцы» — о декабристах, участниках восстания Черниговского полка. Избирательный интерес в детском возрасте — явление не такое уж и частое, но в этом случае он проявился. И когда пришло время идти в армию, у Сгибнева была уже своя декабристская библиотечка, помещавшаяся в чемодане. Приехав в Сызрань для прохождения службы, он оставил небогатое имущество у какой-то совсем незнакомой ему старушки и изредка забегал, брал книги, перечитывал. Потом в жизненных перипетиях чемодан этот где-то затерялся.

Второе рождение библиотеки произошло годы спустя, когда профессия геодезиста привела Сгибнева на север Томской области. Здесь, в Нарыме, жили когда-то на поселении члены Общества соединенных славян П. Ф. Выгодский и Н. О. Мозгалевский. Генрих Николаевич вскоре узнал об этом и опять был взволнован исторической судьбой декабристского движения. Снова ожил интерес и опять стала собираться домашняя библиотека, которая впоследствии, как и первая, была утрачена. Но интерес к декабризму оказался живучим и в 60-е годы, в Урае, было положено начало третьему собранию.

В эти годы внимание Сгибнева привлекла одна деталь биографии В. Н. Лихарева. Многие знают о подвиге жен декабристов, которые оставили своих родных, благополучную жизнь, большой свет и отправились вслед мужьям в холодную и мрачную Сибирь. Но гораздо менее известно, что не у всех спутницы жизни были столь сильны духом. Жена Лихарева Екатерина Андреевна, дочь сенатора Бороздина, не последовала за мужем и вторично вышла замуж. Что же стало с малолетним сыном декабриста, родившимся уже после ареста отца, как сложилась его судьба? Вероятно, простое человеческое участие поставило перед Генрихом Николаевичем такой вопрос, и он в короткие паузы между поездками в тайгу занялся поиском ответа. Удалось получить из ленинградской библиотеки им. Салтыкова-Щедрина пленку с копиями писем Лихарева из Коңдинска (ныне пос. Октябрьское)

ДЕКАБРИСТЫ О СИБИРИ

Сибирь имеет чудное свойство: климатизировать всех, кто в нее как-нибудь попадает; стоит перешагнуть единожды за Урал, тотчас и прильнет название сибиряка надолго, на всю жизнь... Все нити наших богатств стекаются там в один узел, и орбита Сибири явно означила оба свои фокуса. В перигее (относительно России) растет ее народонаселение; в апогее — материальный балласт и точка опоры для всех.

Г. С. Батеньков.

Усиление общественной образованности на счет правительства необходимо в Сибири больше, чем в других частях России.

П. А. Муханов.

к сестре Елизавете Николаевне, снимок с его автопортрета (Лихарев хорошо рисовал). Потом посчастливилось отыскать портрет Николая Владимировича Лихарева, его письма. Был начат и стал пополняться альбом, посвященный семье Лихаревых.

Увлечение стало незаметно перерастать в исследовательский интерес. Начали настойчиво беспокоить новые вопросы и потребовалось расширение круга познаний, понадобились новые книги, журналы, зачастую труднодоступные — дореволюционные, копии архивных документов. Генрих Николаевич завел специальную картотеку, начал учиться заочно на историко-филологическом факультете педагогического института. Отыскивать нужную литературу помогали продавцы книжного магазина, знакомые, просто добрые люди, почувствовавшие в нем родственную душу.

В жизни декабристоведа-любителя это было, можно полагать, счастливое время поисков и находок, общения с людьми, которым декабристы были так же близки, как и ему. Обширные познания позволяли иметь самостоятельный взгляд на некоторые факты истории, а порой и обнаруживать ошибки профессионалов. Приведу один пример. Посвящение написанного К. Ф. Рылеевым в 1816 году стихотворения «К Лачинову» специалисты долгое время относили к Евдокиму Емельяновичу Лачинову, впоследствии тоже декабристу, члену Южного общества. Генрих Николаевич усомнился в этом. В письме к одному из своих товарищей он объяснял это так: «...Рылеев едва ли был (с ним) знаком и тем более не мог встречаться в Дрездене, т. к. Лачинов был гораздо младше Рылеева и не мог участвовать в Отечественной войне». И добавляет: «А это очень интересный период в жизни Рылеева... Я даже думаю, из Дрездена Рылеева выслали из-за Фролова (его друга. — Ред.), т. к. по воспоминаниям, он всегда брал чужую вину на себя». Сгибнев оказался прав: в одном из последних изданий сочинений Рылеева эта версия признана ошибочной.

Сам Генрих Николаевич, на мой взгляд, вполне мог бы в период активных занятий историей консультировать любопытствующих по многим вопросам движения декабристов; он интересный собеседник, а его библиотека — богатый источник информации по истории России прошлого века. Размер ее, повторяю, невелик, но каждая книга имеет свою биографию. Разными, порой необычными путями приходили к нему тома (к сожалению, разрозненные) академического издания «Восстание декабристов», воспоминания одного из активнейших членов Общества соединенных славян И. И. Горбачевского, напечатанные в 1916 году, книги серии «Полярная звезда», подготовленные иркутскими историками. Создать, несмотря на потери, подобную библиотеку, ценную не числом, а содержанием, и прожить с ней насыщенную духовным трудом жизнь — это заметное культурное деяние, заслуживающее внимания и уважения.

В. КОНСТАНТИНОВ.

...Даже если Сибирь не доставит никакой особенной выгоды для России, то страна, с увеличением населения, с посеянными в ней семенами, обещает отдельно самой себе счастливую и славную будущность. Много истинно хорошего сделал для нее Сперанский своим сибирским уложением; это хорошее, без сомнения, еще лучше разовьется, когда страсть к централизации и к подведению в одной общей форме не помешает дальнейшему развитию тех сил, кои уже находятся в Сибири.

А. Е. Розен.

...Немало предметов первой необходимости, которые можно было бы с избытком производить дома, привозятся из России и покупаются дорогою ценою, что отнимает у многих возможность к приобретению оных, от того же и сия несоразмерность в ценах на однородные предметы.

А. О. Корнилович.

МАРЬЯ

В одном из уездных городов Западной Сибири, где я жил несколько лет, у меня находилось в услужении крестьянское семейство пригородной волости. Оно состояло из мужа, жены и двух детей. Муж был кучером, а жена исправляла должность повара, потому что очень порядочно готовила кушанье. Она находила для себя выгоднее жить в услужении, чем заниматься хлебопашеством, которое при тогдашней дешевизне хлеба в том краю скудно вознаграждало труды бедного, земледельца, не имевшего других источников к приобретению и не знавшего никакого ремесла. Может быть также, что привычка жить в работниках или в услужении отнимала у них охоту заниматься собственным хозяйством; не менее того оба они были люди хорошего поведения, усердные и прилежные к делу, так что я не желал иметь лучшей прислуги. Мужа звали Гаврилой, а жену Марьей.

Мне нравилась в особенности жена. Это была женщина кроткая, трудолюбивая и очень к нам привязанная. По прошествии некоторого времени, когда мы хорошо ее узнали, то во всем на нее полагались, и она составляла нам будто часть нашего семейства. Ни одного раза не случилось ни мне, ни жене моей заметить какое-либо с ее стороны нерадение или отступление от правил честности, и как при этом она хорошо готовила и была нраву веселого, то мы были рады, что нашли такую женщину.

В течение пяти лет, то есть во все время нашего пребывания в этом городе, она постоянно жила у нас, и я даже крестил одного из ее детей.

Мужем я также был некоторое время доволен. Но в продолжение пяти лет два раза он отходил от меня месяцев на пять или на шесть и вот по какому случаю. Проживши сначала года полтора так хорошо, что мне не случалось ни разу делать ему даже замечание, он вдруг переменил поведение, стал пить, пьяный грубить и худо смотреть за лошадьми. Сначала я было не обращал на это внимание и внутренне извинял его. Где же найти людей, думал я, со всеми достоинствами и особенно в темном классе, куда нравственное образование не могло пустить глубоких корней. Но, наконец, это усилилось до такой степени, что я должен был принять меры. Разумеется, единственное средство было уволить его и взять другого. Но, имея в виду его прежнюю службу, мне жаль было расставаться с ним. Сверх того, я хотел попробовать, не подействуют ли мои увещевания. Сначала я переговорил об этом с его женой, но она мне сказала, что вряд ли слова мои помогут. Тогда, выбрав время, когда он был трезв, я призвал его к себе и сказал ему: «Любезный Гаврила, что это с тобой сделалось? Полтора года я был так тобой доволен, что не желал бы иметь лучшего человека, но вот с месяц как на тебя нашла какая-то дурь. Ты сам видишь, что ты стал совсем другой, нежели был до этого времени. Одумайся, исправься и живи по-прежнему, а не то нам придется с тобой расстаться». Вот его ответ: «Я, сударь, вами доволен, и мне лучшего места не найти. Но ведь не все же жить одинаково. Жил долгое время хорошо, надобно и худенько пожить». Я не

Басаргин Николай Васильевич (1800—1861). Поручик, старший адъютант Главного штаба 2-й армии. Член Союза благоденствия и Южного общества. Отбывал каторжные работы в Чите и Петровском заводе, после чего жил на поселении в Туринске, Кургане, Омске, Ялуторовске. Мемуарист и публицист.

мог не рассмеяться такой логике и сказал ему на это: «Ну, так вот что, Гаврила, пока ты хочешь жить худенько, живи у тех, кому это нравится, а когда захочешь опять жить хорошо, приходи ко мне, и если место будет свободно, то я возьму тебя». На этом мы и решились. Я его рассчитал, жена осталась у меня, а он нашел себе другое место. Через шесть месяцев он пришел ко мне и опять стал хорошо себя вести. Потом, года через два, явился сам с просьбой уволить и рассчитать его и потом опять месяцев через пять поступил ко мне и оставался уже до тех пор, как я совсем выехал из города. В продолжение всего времени его служения, исключая месяца, о котором я говорил уже, вел он себя примерно.

Как ни странным покажется такое проявление хороших свойств и дурных наклонностей в простой, не получившей образования личности, но тут нет ничего такого, чего бы нельзя было понять или чему удивляться. Тот же факт, в котором играет роль его жена, так поразителен и так непонятен, что я и тогда, и теперь не иначе могу объяснить его себе, как следствием борьбы лучших свойств человека над нечистыми его побуждениями и окончательной нравственной над ними победы.

Три года с лишком жила у нас Марья, и именно в то время, когда ее муж вторично отошел от меня, мы стали замечать в ней некоторую перемену. Будучи веселого, общительного характера, она вдруг сделалась грустна, задумчива и при этом неизмеримо нам услужлива. Полагая, что такая перемена была следствием тревожных ее дум о муже, мы старались всеми силами ее успокоить и особенно были к ней ласковы.

Однажды утром, когда я сидел у себя в кабинете и чем-то занимался, она вошла ко мне, но вошла не как обыкновенно, а с робостью и грустным, печальным видом. «Что тебе нужно, Марья? — спросил я, взглянув на нее. — Здорова ли ты?» — «Здорова и пришла к вам за своим делом, — отвечала она запинаясь. — Хочу просить у вас милости. Не откажите мне в просьбе моей». — «С удовольствием исполню ее, разумеется, если она дельная, в чем я и не сомневаюсь. Говори же, что тебе нужно?»

Довольно долго стояла она молча, наконец тихо и с расстановкой произнесла: «Бога ради, посадите меня в острог», — при этом на глазах ее были слезы.

Я так был поражен ее словам, что некоторое время не знал, что ответить ей. Мне представилось, что она нечаянно совершила какое-нибудь преступление, не сделала ли что-нибудь со своими детьми? «Как в острог, — проговорил я наконец с удивлением, — за что, что ты сделала?» — «Сделать я ничего не сделала, — отвечала она кротко, — но вот уже около месяца у меня в голове вертится только одна мысль, как бы посидеть в остроге вместе с преступниками. Как ни старалась я отбиться от этой мысли, ничего не могу сделать над собою! И во сне-то вижу и наяву думаю, как там хорошо, как весело там, ну так бы туда и побежала. Боюсь, что если вы меня не посадите, то я что-нибудь да сделаю, чтобы попасть туда, а ведь у меня дети. Н[иколай] В[асильевич], что тогда будет с ними?»

СИБИРЯКИ О ДЕКАБРИСТАХ

Молодые годы моей жизни, проведенные в Сибири, останутся навсегда неизгладимыми в моей памяти; они полны воспоминаниями самыми светлыми от сближения с детства моего с людьми не только даровитыми и развитыми умственно, но и глубоко понимающими высокую цель жизни человека на земле.

М. Д. Францева, воспитанница семьи декабриста М. А. Фонвизина.

«Послушай, Марья, — сказал я ей подумав, — ты сама понимаешь, что твоя просьба так странна, так необыкновенна, что вдруг я не могу на нее согласиться, тем более, что исполнение ее зависит не от меня, как ты знаешь. Дай подумать, я переговорю сначала с городничим, а может быть, и доктором. Теперь ступай, а я съезжу к ним».

Она поклонилась и молча вышла. Покуда запрягали лошадь, я сходил к ней на кухню. Все там было в порядке. Она хотя и задумчивая, но занималась своим делом. Дети бегали около нее.

Сказав несколько слов жене, чтобы она осторожно наблюдала за ней, я отправился сначала к доктору. Когда я передал ему это необыкновенное обстоятельство, он решительно признал его признаком сумасшествия и сейчас же поехал со мною, чтобы ее освидетельствовать. По дороге мы заехали к городничему, рассказали ему этот странный случай и пригласили с собой.

Приехавши ко мне, мы призвали ее в мой кабинет и долго очень ласково говорили с ней. На все она отвечала со смыслом, без всякого признака помешательства и только упорно стояла на своем желании пожить в остроге, признавая его, со своей стороны, также странным, как оно казалось нам. Городничего, доктора, несмотря на все их уверения, что в остроге было и скучно и дурно и что там соблюдалась большая строгость, она умоляла выполнить ее просьбу, а меня во время отсутствия своего позаботиться о детях. На свое же место обещала найти временно хорошую стряпку.

Когда доктор щупал у нее пульс, она улыбаясь, сказала ему: «Я ничем не больна, сударь, и поверьте, что нахожусь в своем уме. Моя просьба, конечно, заставляет вас сомневаться в моем рассудке, но вы сами видите, что я не сумасшедшая, хотя и не могу объяснить вам моего желания, непонятного для меня самой».

Отпустив ее, мы долго рассуждали о таком необыкновенном случае. Доктор не заметил в ней ни одного признака сумасшествия и советовал исполнить ее просьбу. Я бы мог взять ее в больницу, говорил он, но это всегда можно будет сделать, если окажется, что она помешана. Теперь же лучше попробовать согласоваться с ее желанием, тем более, что от того вреда никому не будет. Городничий также согласился, и мы решили в этот же день после обеда отправить ее в острог. Разумеется, что все расходы на ее там содержание я взял на себя.

Когда они уехали, я объявил ей, что просьба ее будет исполнена и что после обеда за ней придут, чтобы отвести в тюремный замок. Она со слезами поблагодарила меня, не выказав, однако, никакого особенного удовольствия.

Явился, наконец, квартальный с двумя инвалидными солдатами. Последние были с ружьями и с примкнутыми штыками. Она сначала как будто бы испугалась, но вскоре оправилась и стала собираться, прощаясь с нами и детьми. Я объяснил ей, что буду иногда ее навещать в остроге и что как только ей там наскучит и она пожелает выйти, то это будет сей час исполнено. Я хотел было послать ей туда ку-

---

...они не замкнулись в своей кружковщине и при переходе на поселение тотчас же постарались найти себе практическую деятельность по душе и пристроиться к какому-нибудь делу на пользу края.

Н. А. Белоголовый, врач, общественный деятель, журналист.

Нечего говорить, что в сибирских городах они были просвещеннейшими людьми и оставили след повсюду. Через них и в окружающее общество проникали европейские сведения и новости, они знакомили многих лиц из туземцев с просвещением и нередко оказывали влияние в разных сферах, где соприкасались.

Н. М. Ядринцев, общественный деятель и ученый.

шанье, но она решительно отказалась от того. Пошла она между двумя часовыми грустная, с поникшей головой, точно преступница, которую ведут наказывать. Ее поместили в женском отделении вместе с теми, которые содержались там.

Долго рассуждал я об этом непонятном явлении и мог только объяснить его себе тем, что ей пришла в голову какая-то преступная мысль, от которой она не могла избавиться. Пользуясь нашим доверием, она во всякое время могла похитить у нас и ценные вещи, и деньги, которые, как ей было известно, лежали всегда в шкафе, ключ от которого часто оставлялся ей же или просто на столе. Может быть, это искушение ее преследовало и не давало покоя. Чтобы навсегда избавиться от него и вместе с тем наказать себя за дурные помыслы, она, должно быть, решила прибегнуть к такому средству, которое бы беспрестанно напоминало ей гибельные следствия преступления. Когда я сообщил мое предположение доктору, то он согласился, что оно вполне объясняет ее поступок, тем более, что умственного расстройства у ней не оказалось.

Более месяца просидела она в остроге и ничем не отличалась от прочих заключенных. Она сама не хотела никаких для себя преимуществ или послаблений. Употреблялась вместе со всеми на работу, мыла в остроге полы и довольствовалась той же пищей. Ни разу также не пожелала видеть детей. Я иногда навещал ее и всегда заставлял сидящую грустно на нарах. На вопросы мои, не наскучила ли ей эта жизнь, она отвечала, что не пришла еще пора оставить ей острог. Наконец, по прошествии пяти недель дала мне знать, что желает выйти. Я сказал об этом городничему, который сейчас же приказал ее выпустить.

Она пришла жить опять ко мне, заплакала, увидавши детей, и несколько времени была задумчива. Потом это прошло, и она оставалась у нас еще около двух лет, ведя себя примерно и оказывая нам большую преданность. Разумеется, мы не намекали ей об этом происшествии, и как мне ни хотелось узнать от нее самой настоящую тому причину, но я боялся огорчить ее напоминанием грустного прошедшего.

Впоследствии, лет через пять, я жил в ста с небольшим верстах от этого города, и она, узнав, что мы очень нуждаемся в стряпке или поваре, предлагала мне через одного из моих знакомых приехать к нам в услужение, несмотря на то, что в это время она уже жила своим домом и находилась в довольстве, окруженная семейством.

«Скажите им, — прибавила она, когда он писал о ней в своем к нам письме, — что я предлагаю это не из нужды, а помня их ко мне милости». Разумеется, я не хотел воспользоваться ее к нам признательностью.

Много ли найдется людей с высшим образованием, которые бы так умели совладеть со своими дурными побуждениями и которые бы для смирения их не задумывались прибегнуть к такому сильному средству.

Кто из нас, сибиряков, в своей семье или семье знакомых не знает благотворного культурного воздействия декабристов, поляков, русских революционеров. Наши бабушки, матери учились у них музыке, живописи, учились интересоваться книгой, получали навык к чтению; наши деды и отцы имели в лице этих людей первых наставников и, если в последующей жизни сохранили «искру божью», то часто относили все это сохранившееся хорошее на счет влияния своих учителей.

*Н. Н. Козьмин, профессор
Иркутского университета.*

ПЕРВЫЕ ПОЛЕТЫ

Начало развития авиации на Обском Севере связано с недолгим существованием (1933—1934 г.г.) Обь — Иртышской области с центром в Тюмени. По просьбе ее руководства Главное управление гражданского воздушного флота (ГУГВФ) решило открыть авиалинию Тюмень—Обдорск (Салехард) и выделило несколько самолетов с экипажем.

Есть и более ранние сведения о временной базировке в Березово в 1931 году пилотов Карской экспедиции Бабушкина, Алексеева, Чечина, Кржижановского, а в 1933—34 годах экипажей, участвовавших в спасении челюскинцев, в частности будущего Героя Советского Союза А. Ляпидевского.

В связи с подготовкой к открытию первых авиатрасс вдоль рек Оби и Иртыша в конце 1934 года у Остяко-Вогульска (старое название Ханты-Мансийска) уже существовал маленький Самаровский аэропорт Главного управления Северного морского пути при Совете Народных Комиссаров СССР (ГУСМП). К тому времени Президиум ВЦИК возложил на управление функции хозяйственного и культурного обслуживания районов Крайнего Севера.

Как сообщала окружная газета «Остяко-Вогульская правда», в начале января 1935 года здесь впервые приземлился самолет. Это был небольшой АИР-6, управляемый известным полярным летчиком Николаем Александровичем Целибеевым. Его полет от Тобольска до Самарово продолжался два часа 17 минут.

Затем Целибеев с бортмехаником Николаем Коровиным слетал на север до Полярного круга, чтобы обследовать

будущую трассу до Обдорска. Примерно через месяц (по сообщению ТАСС) первый рейсовый полет по новой линии Тюмень-Обдорск, проходящей через Самарово, совершили летчик С. И. Антюшев и борт-механик Текушев.

23 марта открылась воздушная линия Самарово-Сургут. На борту самолета были летчик Щитков и начальник Самаровского аэропорта Николай Щербак.

Сохранился мартовский отчет аэропорта, где сообщалось, что в Тюмень и Тобольск перевезено с начала работы 24 пассажира и 217 килограммов груза, а обратно десять пассажиров и 944 килограмма груза.

Романтика авиации привлекала к молодежному коллективу аэропорта юношей и девушек окружного центра.

23 мая окружная газета писала: «Самаровский райком комсомола в ночь с 23 на 24 мая проводит комсомольскую вылазку на лов рыбы неводами. Все деньги, вырученные от продажи рыбы, пойдут на постройку самолетов.» В последующей информации говорилось, что двадцать участников вылазки добыли 240 килограммов рыбы в пользу Воздушного флота страны.

В августе 1935 года пришло сообщение из Центрального совета Осоавиахима (предшественник ДОСААФ) об отгрузке с авиационного завода самолета «Остяко-Вогульский комсомолец», приобретенного за 25 тысяч рублей, собранных молодежью округа. Он предназначался не только для осоавиахимовской работы, но одновременно и для перевозки почты и грузов.

В начале 70-х годов мне посчастливилось (вместе с профессором Л. Е. Ки-

селевым) одним из первых полистать интереснейшие документы фонда Политуправления ГУСМП. Там были и материалы обследования работы аэропорта «Самарово», проведенного в конце 1935 г. Политическим управлением ГУСМП.

Ответственный инструктор Политуправления Якубович сделал вывод, что «Самаровский аэропорт является наиболее культурным и лучшим портом всей линии». Здесь проявляется большая забота о пассажирах и летном составе. В помещении образцовая чистота и порядок, созданы все условия для культурного отдыха. Имеется телефонная связь с Остяко-Вогульском, на радиостанции принимаются частные и служебные телеграммы. В столовой всегда вкусная и разнообразная пища, что автор иллюстрирует перечислением всех блюд меню.

Высокая оценка дана работе начальника порта комсомольца Щербака и всех общественных организаций.

К этому можно добавить, что, по данным местной газеты, в то время здесь работал и технический кружок под руководством заместителя начальника порта комсомольца Николая Коровина. Первым выпускником кружка, сдавшим экзамен на авиатехника, стал молодой моторист, впоследствии известный ветеран Ханты-Мансийского авиапредприятия Дмитрий Ташбулатов.

В конце 1936 года состоялся первый вылет по санитарному заданию. В Сосьву для оказания срочной хирургической помощи охотнику-манси Немтазину вылетел на самолете У-2 (По-2) врач Савраткин. Как рассказывал мне очевидец события Аркадий Николаевич Лоскутов, жители поселка впервые увидели тогда самолет. Посмотреть диковинную железную птицу съехалось много людей. Улетающему в больницу Немтазину и спасшему его врачу были устроены торжественные проводы.

В юбилейном сборнике «Возрожденный народ», посвященном десятилетию округа (Омск, 1941 г.), подчеркнута важная роль авиатранспорта, связывающего отдаленные северные районы с же-

лезной дорогой и Ханты-Мансийском. Согласно сообщению окружной газеты, в 1939 г. были открыты новые авиалинии Самарово-Сургут-Ларьяк и Самарово-Нахрачи (тепарт Кондинское).

Далее в сборнике читаем: «за годы своего существования авиаотряд Самаровского отделения Гражданского воздушного флота проделал большую работу по перевозке грузов и пассажиров. За последнее пятилетие в Самарово выстроен хороший авиавокзал с рестораном и меблированными комнатами для пассажиров и обслуживающего персонала. За одно лишь первое полугодие 1940 г. аэропорт обслужил больше тысячи пассажиров, отправил и принял десятки тысяч килограммов почты и различных грузов, в том числе десятки центнеров «мягкого золота» — ценнейшей пушнины. «К этому времени был образован авиаотряд Самаровского отделения ГУГВФ.

...Прошло более полувека. Сейчас Ханты-Мансийское авиапредприятие — одно из крупнейших в Тюменской области. В Ханты-Мансийске базируются самолеты ЯК-40, «северные труженики» АН-2, вертолеты Ми-6 и Ми-8, работает типовая аэровокзал, создана современная авиатехническая база.

Н. Патрикеев.

Владимир Волковец

xxx

На отмели малька
Дочь зачерпнула кружкой.
Еще одна река
Становится речушкой.
За пнями не слышна
Былая сила леса.
Еще одна вина
На совести прогресса.
Гниет в траве изба
С разбитыми дверями.
Еще одна судьба
С отсохшими корнями.
Вопросы малыша —
Ответы непростые.
Еще одна душа
Заплачет о России.

xxx

Растет муравейник, как время в песочных часах,
Капризней звенит комариная взвесь полумрака.
Когда-то хотел, не на деле еще, на словах
Уехать от леса — от боли, обиды и страха
За лепет наивной листвы, тишину над гнездом,
За тысячи троп, потерявших искателей счастья,
За гибельный шаг лесорубок... Да кто же о том
Вовсю не кричал, но до правды не мог докричаться!
Когда я родился в березово-хвойном краю,
Там не было леших уже, водяных и кикимор.
Весной с глухарями встречал молодую зарю,
Был радугам рад и цветам, без которых бы вымер.
Нет, не исходить до конца и до дна не допить
Мою, разнотравьем и птицами полную, чащу.
К тому же сам лес начинает, мужая, молить,
Шуметь о спасенье моем, о собрате своем по несчастью.

xxx

Владимир Волковец родился в Удмуртии в небольшом лесном поселке. Окончил восьмилетку, затем сельхозтехникум, а после службы в армии — Литературный институт им. Горького. Его стихи печатались в журнале «Урал», еженедельнике «Литературная Россия», альманахе «Каменный пояс», вышедшем в Челябинске. Владимир Волковец — автор двух поэтических сборников, изданных в Москве и Свердловске.

Ранняя весна

Где жмурит мать-и-мачеха свои
Желтки кошачьи, где еще спросонок,
Как нитки, замотались муравьи,
Никак не разберут своих иголок.
Где сохнет настороженная хмарь
И тишина стоит как по отвесу,
Там беззащитно царствует глухарь
И белый заяц мечется по лесу.

х х х

Дождь ощупывал темноту,
Неизвестно кого ища,
А наткнулся на пустоту
Мной оставленного
Целлофанового
Плаща.
Постучал, поцарапал, смолк.
Там осталось твое: пусти
С земляничным запахом щек,
Жаром молодости,
Вседозволенности...
Прости.

Карликовые березы

Осень в карликовых рощах
Та же, что в большом лесу.
Листья с заячий горошек
Вместе с ягодой несущу.
Как по-взрослому поникли
Деревца, решаясь вброд,
Выйти с веткою брусники,
Горстью клюквы из болот.
Не подняться на откосы
Им из губельного мха.
На своих сестер, березы,
Не смотрите свысока!
Ломки заросли густые,
Цепки ветви — не пролезть,
Но зато в жару какце
Подберезовики здесь.
А на мятном солнцегреве
В самом горьком сентябре
Радость тише, грусть добрее,
Справедливей жизнь к тебе.

х х х

БОСИКОМ ПО МОРОЗУ

Представляем вам, уважаемые читатели, человека, у которого все получается. Таким счастливым человеком Людмила Ивановна Павличенко, ответственный секретарь урайской организации «Трезвость и здоровье», стала недавно, год назад, когда овладела методикой Шичко и начала лечить людей от вредных привычек. А поскольку таковые за ней тоже водились (мало ли их у нас — вот к примеру, любим вкусно и много поесть, от этого толстеем, потом болеем, но по-другому не можем), то Людмила Ивановна серьезно занялась собой. Так серьезно, что сегодня ее старые знакомые с трудом узнают в стройной, молодой женщине бывшую вальяжную даму с букетом болезней. Стать другой, обновленной, Людмиле Ивановне помог образ жизни, который она ведет сама уже более года и активно пропагандирует, излечивая людей от курения, алкоголизма, переедания.

С Л. И. Павличенко беседует журналист Тамара Козлова.

— Людмила Ивановна, каким оно было, начало?

— Если говорить о моих учителях, то я бы назвала два имени. Это Р. А. Харисова, секретарь окружной организации «Трезвость и здоровье» — она дала мне методику Шичко и И. Ф. Сысоев, мой коллега из Красноярска. С ним мы познакомились на одном из семинаров в конце мая 1990 года.

Я всегда говорю, что внешний вид очень влияет на поведение людей. Я тогда весила почти 100 кг, стеснялась этого и держалась особняком. С Иваном Федоровичем оказалась вместе случайно, разговорились. Мне казалось, что он мой ровесник. А когда узнала, что ему уже 60, была поражена. Он, видно, понял это и уговорил меня похудеть, поздороветь. Для начала мы с ним вместе проголодали два дня. И вот я приехала домой и стала еженедельно голодать по 42 часа. Это первое, с чего я начала.

А потом, конечно, пошла серьезная работа — поиск и чтение литературы, переписка со специалистами. И когда удалось самой похудеть на 15 кг, пришло решение передать свой опыт, поделиться с окружающими. Я уже работала по методике Шичко с алкоголиками и курильщиками, попробовала перенести ее на тех, кто переедает. К радости моей, все получилось! Конечно, первые группы были маленькие, работала с ними примитивно. А сейчас у меня большой курс, много желающих. Из 300 человек, обучившихся у меня, 200 дают неплохой результат.

— А ваши личные дела как обстоят?

— Сейчас, когда вес со 100 кг довела до 67 (это за 7 месяцев), позволяю себе голодать 24 часа в неделю. Первые килограммы слетали очень быстро, это свидетельство того, какие они лишние! Ну, а сейчас худею потихоньку, надо потерять еще 3-4 кг, потому что сейчас увеличила двигательную активность, мышцы начинают расти, для этого и надо сбрасывать, чтобы не набрать 70 кг.

Итак, еженедельный голод — это обязательно. Это стало привычным в нашем доме. По 42 часа в неделю не ест мама, похудела на 14 килограммов.

— Есть, видимо, какая-то определенная диета?

— Вот диеты как раз и нет. Хотя я их много в свое время перепробовала, они меня утомили, но результатов не дали.

Стараюсь есть овощи. Морковь, свекла, капуста, салаты из них, винегреты. Сейчас позволяю себе есть столько картошки, сколько хочу. Очень полезен зеленый горошек. Варим овощные борщи, делаем овощную икру. В нашей семье все это любят. Дочь и зять вместе со мной голодают, едят с удовольствием то же, что и я.

Будьте здоровы

В последнее время занялась йогой. Пока делаю простейшие упражнения, суставную гимнастику. Сказать, что все это каждый день — это неправда. Другой день ничего не получается. Когда морозно, я не бегаю. Мы с младшим моим Вовиком бегаем до минус 15°. Бегаем раздетые или легко одетые, босиком.

— Как, босиком?

— Часть пути, конечно, босиком. По снегу. В морозы не бегаем.

— Но вы забыли сказать про обливание.

— Обливание — это «детка». Это целая система. Обливание без других пунктов «детки» просто нельзя проводить, иначе нанесешь себе вред.

Немного о «детке». Эта наша русская отечественная оздоровительная система П. К. Иванова. Мы, его последователи, называем Иванова Учителем с большой буквы. В «детке» заключены многие другие оздоровительные системы. Взять йогу и «детку»: где она — Индия, а где — Россия? В обеих системах заложен целый комплекс нравственного совершенствования. Жить без обмана, без лжи, без зла.

Я хочу особо обратить внимание на то, что все оздоровительные системы начинаются даже не с физического оздоровления организма, а с оздоровления нравственного. Потому что, чтобы делать даже самое малое, что, предположим, делаю я, нужно иметь хорошее настроение. И нравственное начало должно опережать физическое, чтобы дать человеку силы для приобретения здоровья. Ведь это очень нелегко: заставить себя бегать, каждый день обливаться, есть свеклу и отказаться от мяса — для этого должен быть какой-то моральный стержень, он и дает силы. И в этом я убедилась на собственном опыте. Сначала я себя заставляла сидеть голодной, заниматься зарядкой, постепенно это перешло в автоматизм. Сейчас легко обливаться, просто не думаешь. Вышла, опрокинула воду на себя. Очнулась, когда облилась. И не думаешь: холодно — не холодно. Ведь зубы чистишь, не думая о том, приятно — нет. Привычка, которая перешла в автоматизм. А кое-что еще вызывает затруднения.

В общем система такова, что, если человек начинает ей заниматься, то все болячки, плохое настроение очень быстро уходят. А потом, месяца через 3-4, становится похуже, приходят кризисы. Это надо пережить без таблеток, в системе: с обливанием, с выходом на снег, голоданием. Немножко трудно, но потом опять возвращается хорошее самочувствие, и периоды его все длиннее и длиннее по сравнению с теми, когда ты нездоров.

Надо сказать, до того, как стала заниматься, я чувствовала себя плохо. Как у всякого толстого человека, поднималось давление, мучила бессоница, боли в желудке — до приступов, до вызова «скорой помощи». Врачи определили это как вегетососудистую дистонию. Но сама дистония — лишь следствие других заболеваний. И когда исчезают эти болезни, исчезает и дистония.

— У вас исчезла?

— Да. Я теперь не хожу к доктору. У меня не колотится сердце, не прыгает давление, не болит голова. Лицо не покрывается красными пятнами, нет того состояния, когда тебя, кажется, только что напугали. Знаете, я хочу сказать о том, что если человек почувствовал себя здоровым, он никогда от этого состояния не захочет отказаться. Мы уже забыли, что такое быть здоровым, мы все время в пограничном состоянии между здоровьем и болезнью, когда вечером еле доходишь до постели, с ужасом сознавая, что завтра снова вставать, идти на работу. Нет, у меня таких ощущений нет давно. Я легко ложусь, легко встаю в любое время, даже рано утром я веселая и подтянутая. За это многое можно отдать, в том числе и мясную пищу. Но надо узнать, что такое быть здоровым и потерпеть какой-то месячишко, чего многие из нас не могут. Потерпеть и почувствовать, что дает правильное питание, правильный образ жизни.

• Будьте здоровы

Кто так живет, те понимают, что это такое. Но сейчас я говорю со многими читателями и не знаю, поймут ли они меня. Жизнь приобретает у многих из нас, кто живет по «детке», солнечный характер. Я не знаю, как это передать другими словами. Надо почувствовать радость от того, что ты просто живешь, что у тебя хорошая фигура, здоровье, хороший, здоровый ребенок. Радость от того, что ты довольствуешься свеклой, что жизнь стала и намного проще, и намного сложнее, потому что произошла переоценка ценностей. Своих гостей я сейчас не угощаю чаем со сладким и мучным, мы идем обливаться на улицу. Да-да!

— *Говорят, что у людей, живущих по «детке», резко меняется характер в лучшую сторону. Они становятся нравственно обновленными. У вас это так?*

— Учитель П. К. Иванов считал отвратительными качествами характера гордыню и гордость. Я стараюсь избавиться от гордыни, от самомнения. Вот когда от этого избавишься, общаться с людьми становится легко и просто. И тогда по-другому видится окружающее, каждый человек на твоём пути кажется хорошим, и хочется найти в нем больше этого хорошего и развить, и показать это хорошее ему самому.

Конечно, надо стараться держать на лице улыбку в любой ситуации. Когда расстроишься, рассердишься, постарайся все равно улыбнуться даже тогда, когда мышцы твои, кажется, не растянутся в улыбку, настолько они напряжены. Сила улыбки удивительна, действие уникально. И не на того только человека, с кем общаешься, а и на себя самого. Надо стараться улыбаться.

— *Вам удается?*

— Да, удается. У меня стало намного спокойнее дома. Вы знаете это чувство, когда ваш ребенок выходит замуж или женится? Кажется, что он самый красивый, умный, нет ему ровни. И когда Лена, дочка, вышла замуж, были проблемы. Но когда я послушала Учителя и стала искать в людях хорошее, то нашла в этом простом мальчике, за которого Ленка вышла замуж, столько хорошего, что он стал мне дороже всех. Бесплезно человека переделывать, как поступают многие. Надо просто его полюбить со всем, что у него есть.

— *Совет универсальный, но трудно выполнимый. И в конце разговора, Людмила Ивановна, несколько ваших советов читателям журнала: с чего начать, если хочешь всегда иметь хорошее настроение?*

— Во первых, я хочу сказать о пользе аутотренинга. Это настолько просто и ощутимо, что не надо искать чудодейственные средства, они в вас.

Итак, вы проснулись утром, но глаза пока закрыты. Примите удобную позу, расслабьтесь. Вам покойно, словно вы в теплой воде, руки-ноги невесомы. С закрытыми глазами вслух, а если это неудобно, то про себя, повторите несколько фраз, что вы проснулись с хорошим настроением, что вы улыбаетесь, что вы прекрасная мать и красивая женщина. Или деловой мужчина, отличный хозяин и работник. Скажите себе такие слова: вы спокойны, все ваши внутренние органы (перечислите их) работают отлично.

Когда умываетесь, раза 3-4 вдохните неглубоко, чуть-чуть, носом холодную воду, непременно холодную. Вы умылись. А теперь легкий массаж крыльев носа подушечками пальцев. Это очень просто.

Следующее, что вы сделаете — это разогреете суставы. Начинайте растирать правой рукой круговыми движениями левое предплечье, локоть, бедро, колено, щиколотку. Потом левой рукой правую сторону. По 3-4 движения. Без этого нельзя начинать свой день.

А еще надо постараться не завтракать. Совсем. Если не получается, обойдитесь фруктами или овощами. Живите здоровыми!

ПОД СНЕГОМ МИРНОГО

(Из антарктических дневников)

Г. Бардин, кандидат географических наук.

22 февраля 1963 года состоялся мой первый полет на внутриконтинентальную станцию Восток, о котором я давно мечтал. Побывать на южном геомагнитном полюсе и полюсе холода нашей планеты удастся немногим. Чтобы качественно обеспечивать сложнейшую работу авиации в Антарктиде, синоптик должен не раз испытать на себе процесс полета, жить одной жизнью с летчиками, их дыханием и заботами. Только тогда летчики будут верить синоптику, когда убедятся, что он полностью выкладывается в своей творческой профессии, знает и любит ее. Мне еще предстоит это заслужить.

Погода выдалась ясная. Виктор Кубышкин на своем Ил-е, сделав положенный круг над окрестностями Мирного, взял курс на юг с небольшим набором высоты. Внизу медленно и плавно проплыли впечатляющие разломы гигантского ледника Хелен, где время от времени со страшным грохотом рождаются новые айсберги, печально известный остров Буромского с могилами наших погибших здесь товарищей, острова Хасуэл, Токарева, Строителей. Сам поселок Мирный сжался вдруг до размеров фотографической карточки и постепенно растаял на фоне айсбергов, отсвечивающих глубокими голубыми тенями.

Мы летим в основном на высоте сто метров от поверхности купола Антарктиды, поэтому можно хорошо рассмотреть направление снежных застрогов — они перпендикулярны преобладающему восточному и юго-восточному ветру. Впереди почти постоянно виден след от прошедшего здесь месяц назад санно-гусеничного поезда. До самого горизонта простирается однообразная ослепительно белая снежная пустыня. Совершенно не на чем остановиться взгляду, и это очень утомляет. При подходе к станции Комсомольская самолет уже забрался на четыре тысячи метров над уровнем моря, хотя до «земли» всего триста метров. Самочувствие резко ухудшается. Начинается мучительная головная боль и резкая ломота в висках. Но тут радист Валентин Медведев приглашает к столу, и мы поочередно плотно завтракаем. Каждому предлагается по порядочному куску жареной курицы и эмалированная кружка крепко заваренного чая с бутербродом. После завтрака настроение понемногу улучшается. За час до подлета к станции Восток увидели тягачи, сани и фигурки машущих руками людей. Слегка покачав им крыльями, летим дальше. По радио мы знаем, что в поезде сейчас все в порядке, через пять дней они тоже благополучно доберутся до цели.

Вскоре увидели и саму станцию. Легкий полукруг и мастерская посадка на лыжи. По здешним понятиям сейчас тепло: температура воздуха всего минус сорок пять градусов! Бегу в объятия Юры Кузнецова — старого приятеля, радиста с мыса Шмидта. Наскоро инспектирую порядок метеонаблюдений Евгения Поднебесникова на площадке и в кабинете. Затем вместе с другими участвую в разгрузке самолета, который стоит с работающими двигателями. Вскоре наступает одышка, но глубоко дышать на открытом

Бардин Геннадий Иванович — известный полярник, участвовал во многих экспедициях как в Арктику, так и в Антарктиду, где достойно представлял северный народ ханты. Наш земляк проявил себя не только как высококвалифицированный специалист, исследователь, но и как хороший организатор; он был начальником Певекского территориального управления по гидрометеорологии и контролю природной среды в Арктике, возглавлял 21-ю Советскую антарктическую экспедицию. Щедро наделенный даром общения, Геннадий Иванович много занимается популяризацией научных знаний, за последние тридцать лет прочитал свыше тысячи лекций. Публикуемые заметки — это фрагменты из книги «От Чукотки до Арктики», над которой автор продолжает работу.

воздухе не рекомендуется — можно обморозить легкие. Большинство полярников дышат через намотанный на лицо шерстяной шарф. Первое время на станции чувствуешь себя, как рыба, вытщенная на берег. Кислорода явно не хватает. Через полчаса снова старт. Машина хоть и значительно облегчена, но моторы режут нутужно, долго катимся по полосе, наконец, взлетаем. Домой, в Мирный, лететь веселее, все-таки под горку и с каждой сотней километров настроение повышается.

Конечно, на куполе ужасно тяжело. С Востока санрейсами вывезли уже четверых (Андреева, Коломийцева, Фишера и Астахова), а вчера привезли с Комсомольской механика Ивана Романова, который прошел от Востока до Комсомольской и тоже не выдержал.

Сегодня при ясной погоде весь день ревет ветер с сильной низовой метелью. Припай окончательно оторвало от коренного берега. Значит, теперь в тридцати метрах от нашего дома ледяной барьер вертикально обрывается на сорок метров и сразу внизу черная морская пучина. В целях безопасности вдоль барьера из крепкого капронового фала протянули леерное ограждение. Жалко смотреть на пингвинов Адели, группами и в одиночку уплывающих на льдинах в открытое море, причем по их несчастному виду кажется, что они безропотно отдались стихии и воле волн. Действительно, многих из них в воде подстерегает беда — за пингвинами с удовольствием охотятся морские леопарды и касатки.

* * *

26 марта. Сегодня два крупных события: вечером приходит санногусеничный поезд с Востока и день рождение нашего шефа В. К. Бабарыкина. Как утверждает сам Кузьмич, он из казаков. Могучего телосложения, выше среднего роста, внешне привлекателен, пронзительные серо-голубые глаза, крупные, волевые, но правильные черты лица, на голове густая шапка русских волнистых волос, на зимовке отпускал только пышные усы. Прошел всю войну в разведке, имеет много боевых наград, в том числе редкий орден Александра Невского. За работу на дрейфующей станции «Северный полюс-3» и в первых советских антарктических экспедициях (был начальником станций Полюс Недоступности и Советская) награжден двумя орденами Ленина. Бабарыкин имеет среди нас большой заслуженный авторитет. Как-то в откровенном разговоре признался мне, что поначалу был против моей кандида-

туры в САЭ — уж очень большая ответственность: синоптик один на всю экспедицию. Поэтому хотел подыскать знакомого в Гидрометцентре СССР, но меня отстоял Н. И. Тябин поскольку хорошо знал по работе в Арктике. Я с волнением и опаской спрашиваю: «А сейчас взял бы?» Отвечает: «Сейчас бы, конечно, взял». Сразу отлегло на душе. Вспомнил Ваню Солнцева из повести В. Катаева «Сын полка» — значит, показался...

Семь часов вечера. Настроение у всех приподнятое. На улице ясно, но метет поземка. Местные фоторепортеры заняли свои места. На горизонте появляется долгожданный поезд. Впереди тягач с балком, над ним развевается государственный флаг СССР. Вторым идет мощный снегоход «Харьковчанка», дальше еще целая вереница машин, только снежная пыль столбом. Многие жители Мирного выбежали встречать этих мужественных парней, прошедших через огромные трудности в бескрайних ледяных просторах Антарктиды. Они испытали и кислородное голодание на высотах свыше 3,5 километров, и лютые морозы до минус 65 градусов, и жестокую пургу после прохождения станции Пионерская. Начальник отряда Анатолий Лебедев здорово похудел и почернел, остались только знакомые обледенелые усы. Да и другие потеряли не меньше, чем по восемь-десять килограммов своего веса. В девять часов вечера, быстренько помывшись и приодевшись, все собрались в просторной кают-компании на торжественный ужин. Вода с потолка уже не капает, так как на дворе мороз. Н. И. Тябин произносит традиционный длинный тост за участников похода. Говорят речи магнитолог и парторг Валентин Иванов, шеф-повар Федор Ларионов, а от имени походников ответное слово взял Анатолий Лебедев. После ужина продолжаем чествовать своего именинника Бабарыкина уже дома, дружной аэрометотрядовской семьей. Немцы принесли ящик пива, а у нас нашлось кое-что покрепче. Задушевные разговоры продолжались допоздна.

* * *

1 апреля. Как утверждают некоторые ехидные люди, сегодня наш профессиональный праздник — день синоптика. Все меня с улыбочкой поздравляют, даже с Востока прислали телеграмму Бардину СССР Буттенбергу ГДР. Мы не возражаем. Пусть тешатся. Как нарочно, мой вчерашний прогноз не оправдался. Скорость ветра не превышала сегодня пятнадцати метров в секунду, а я давал двадцать пять-тридцать. На завтра опять даю штормовой прогноз, все же он должен оправдаться, так как будет уже второе апреля.

У Джона Гринхилла беру уроки английского языка. Взаимно обучаю русскому. Сегодня он выучил три фразы: спасибо, добрый день и спокойной ночи. Джон — сравнительно молодой человек приятной наружности, с пышной черной бородкой, роста чуть выше среднего, худощав и улыбчив. Он прибыл на Уилкс на зафрахтованном у датчан судне «Тала Дан», чтобы установить и испытать свою аппаратуру по космическому зондированию атмосферы. Утром показал Джону наше бюро погоды, в том числе обратил внимание на принимаемые из Австралии с помощью фототелеграфной аппаратуры синоптические карты, подарил ему две для специалистов, чтобы знали, как их работу используют в Антарктиде.

Над Мирным сейчас полощутся на ветру три государственных флага: СССР, ГДР и Австралии в честь гостя.

Последней пургой наш дом завалило так, как будто мы его и не откапывали с помощью бульдозера. Внешний вид такой же, как в период пересменки. Придется, наверное, за зиму еще не раз делать траншеи.

* * *

16 мая. Два дня продолжался общестанционный аврал по устройству стока из бани. Во льду нужно было продолбить глубокую траншею. Работали по четыре часа на морозе тридцать и ветре до тридцати метров в секунду. Кто этого не испытал, тому трудно понять, что это такое. Медь кают ломы,

пешни и кирки, во все стороны летят осколки льда, снег забивается за шиворот и залепляет очки, валит с ног ураганный ветер, из-за рева которого невозможно разобрать щедро рассыпаемые шутки и прибаутки неистово трудящегося люда, в просветах между зарядами снега можно видеть выразительную мимику мокрых раскрасневшихся лиц со скорченными рожами. Я честно заработал здоровенный фурункул на шее, и голова моя вращается теперь только вместе с телом. Мои нелепые разбалансированные движения с ломом в руках и удары в лед в опасной близости от ног окружающих только способствуют новому взрыву веселья ехидных и безжалостных сотоварищей.

Солнце всходит теперь часам к двенадцати, а в пятнадцать уже снова заходит. На завтрак и на ужин ходим, когда еще или уже темно. Весь поселок освещен белыми и красными огнями, особенно красиво оформлена кабельная эстакада вдоль Мирного, свет которой напоминает нам городские уличные фонари. В пургу, конечно, ничего не видно, приходится ходить временами буквально на ощупь. Вообще это почти безопасно. По крайней мере, с ледового барьера может упасть только подвыпивший или «рассеянный с улицы Бассейной», так как границы всего поселка обтянуты прочными леерами. Правда, в последнюю пургу с ветром свыше тридцать метров в секунду ионосферист Володя Овсянников заблудился и бродил вдоль леера около часа, а начальник передающей станции Александр Дряхлов так и не смог попасть на ужин, сбился с пути и вынужден был вернуться обратно на передающую, чтобы вскрыть свой НЗ — неприкосновенный запас, состоящий из сухарей и консервов.

* * *

22 июня — день зимнего солнцестояния в южном полушарии, по традиции самый большой праздник в Антарктиде. С утра у всех приподнятое настроение. Скоро из-за горизонта увидим первые лучи долгожданного солнышка. Начинается вторая половина нашей зимовки. Большинство полярников заканчивают работу немного раньше, так как торжественный ужин назначен на шесть часов вечера. Все одеваются понаряднее, многие в строгих костюмах, при галстуках. Праздничные столы ломятся от разнообразных закусок. Произносятся тосты за полярников, их замечательных мужественных родных, за тех, кто в море.

Постепенно подходят остальные наши товарищи. Веселье продолжается. Как всегда, в такой теплой дружеской компании находятся таланты поплясать и спеть. То тут, то там ведутся душевные разговоры. Неистребимые любители азартных спортивных игр вскоре начинают состязаться в бильярд или забивать «морского козла» в домино под шумные одобрительные возгласы многочисленных болельщиков. В заключение смотрели американский цветной художественный фильм «Глен Миллер».

29 июня с утра до шестнадцати часов при неровном свете факелов работали на припайном льду по установке палатки и устройству гидрологической лунки для Германа Баранова, который был руководителем и стахановцем-ударником одновременно. Сначала было довольно холодно, а под конец, когда поставили палатку над выдолбленной лункой, стало жарко. С берега протянули электрический кабель, внутри палатки закрепили лебедку, направив штангу с тросиком прямо над лункой. Теперь можно опускать приборы для измерения направления и скорости течения и брать на исследование пробы морской воды. На следующий день из этой лунки неожиданно выглянул большой серый тюлень Уэдделла, который здорово напугал добровольного помощника гидролога — нашего уважаемого доктора В. М. Трошина.

6 июля — первый безветренный день в этом месяце. Ночью был обильный снегопад, поэтому снега по колено. Как всегда после непогоды, откопал свое окно. Наконец-то появился белый свет. Это наше маленькое счастье аэрометотрядовцев — жить в доме, хоть и занесенном по самую крышу, но не

погребенном толщей снега. В таких условиях еще живут радисты в доме номер четырнадцать. Все остальные дома в поселке Мирный глубоко замурованы под снегом на три-четыре метра и вход в них через колодец на крыше, а дальше по крутому, почти вертикальному трапу вниз. Нужно быть предельно собранным и достаточно ловким при доставке в дом глыб напленного снега для таяния воды и извлечения содержимого санузла и прочих бытовых отходов наверх. Обычно в такой операции участвует два человека. Рискует больше тот, кто внизу, так как поднимаемое стремится иногда падать обратно. Пожалуй, единственным преимуществом «мирян», живущих под снегом, является первозданная тишина в домах, даже во время самой жестокой пурги.

Впоследствии, на других зимовках мне довелось жить во внешне симпатичных алюминиевых домах на сваях, как на «курьих ножках». В таких домах во время урагана чувствуешь себя намного хуже, чем в скором поезде Москва-Владивосток. Все здание трясется, как в лихорадке, трудно писать и читать. Иногда кажется, что дом сорвало со стальных оттяжек и он парит в воздухе. Становится даже жутковато. Страшная какофония воющих, стреляющих и громяющих звуков совершенно подавляет психику человека. На крыше где-то противно, аж до ноющей боли в здоровых зубах скрежещет оторвавшийся лист кровельного железа, по стене гулко и монотонно, как метроном во время блокады Ленинграда, хлопает вовремя не закрепленный кусок толстой проволоки, заунывно, на высокой ноте гудят натянутые, как струны, провода качающихся радиоантенн. Как будто пляшет и веселится на шабаше сразу тысяча разгулявшихся чертей. Да вдобавок еще к чему ни притронешься — крепко бьет статистическим током, только в темноте сыплются синие искры. Несмотря на довольно низкую температуру (в пургу все тепло из домов выдувает), за ночь раз десять люди просыпаются в холодном поту. Днем такие полярники ходят злые, не выспавшиеся, прямо на ходу клюют носом, а ночью опять наступает бессоница. Если пурга продолжается неделю подряд, что совсем не редкость, так понятной становится тоска «серого» в лунную ночь. Действительно, от всей души хочется «завыть волком» из-за своего бессилия что-нибудь изменить. Именно в такие периоды и бывают чаще нервные срывы, особенно у молодых полярников.

* * *

7 июля (воскресенье) — второй день стоит отличная погода. Переменная облачность, преимущественно высоко-слоистая. Тихо, временами тянет слабый ветерок с юго-запада. После обеда из редких облаков пошел пушистый снежок. Теплынь, минус 15. Не хочется уходить с улицы. Мы и не уходим. С десяти часов утра до самой темноты, до четырех часов вечера работаем по расчистке снега около своего дома.

12 июля. Прочитал «Последнюю экспедицию» замечательного английского полярного исследователя Роберта Скотта (его дневник). Написано очень простым и скупым языком, но не оторваться, а прощальные письма родным переворачивают душу и потрясают до слез. Теперь Роберт Фальконе Скотт предстает перед глазами как живой, исключительно мужественный и волевой человек. Писать подробный дневник в тех условиях, буквально замерзая от холода и голода — это был беспримерный героизм. Навсегда запомнится благородная смерть капитана Отса, который полуобмороженный, чувствуя, что теряет последние силы, чтобы не быть обузой товарищам, уходит от них в сторону, говоря, что может быть он не скоро вернется... Свыше 700 миль, почти полторы тысячи километров пешком с большим грузом на санях за 75 дней, выполняя регулярные метеорологические наблюдения в жестоких антарктических условиях (ледниковые трещины, мороз, пурги, заструги) — это был колоссальный титанический труд на грани человеческих возможностей. На почерневшем деревянном кресте

могилы Р. Скотта вблизи новозеландской антарктической станции его имени выбита известная надпись: «Бороться и искать, найти и не сдаваться!».

Скоро состоится первая ледовая разведка. Герман Баранов почти каждый день спрашивает у меня прогноз погоды. Много разговоров о кораблях, которые придут за нами. Поговаривают, что родная «Обь» выйдет даже в сентябре, а нас сменит в декабре старушка «Кооперация» и «Лена» — родная сестра «Оби». Много еще может измениться, но все равно интересно поговорить-посудачить. Возможно, что из Москвы прилетят и наши тяжелые самолеты АН-12 или ИЛ-18. Что ж, будем ждать и готовиться. Американский адмирал Риги из Мак-Мердо запросил о возможности прилета к нам и на Восток в декабре этого года. Так что жизнь скоро забурлит и в наших краях.

Вечером смотрели фрагменты из любительского фильма Петра Астахова о нашей экспедиции: плавание на теплоходе «Эстония», первая встреча в Мирном, брачная пара императорских пингвинов, аврал возле нашего дома по откопке входа от снега, огни Мирного во время полярной ночи. Отдельные сцены очень впечатляют. Есть и цветные кадры, но главный интерес в том, что засняты кругом все свои люди и в работе и в минуты отдыха.

По возвращении из каюткомпании домой наблюдали яркое цветное полярное сияние с преобладанием красноватых оттенков, расположенное в северной части горизонта в виде дуги с запада на восток. Наиболее красивые формы Астахов пытается фотографировать на высокочувствительную пленку. Самое красивое полярное сияние я видел в 1954 году в Палой губе под Североморском Мурманской области, когда проходил стажировку матросом Северного флота на базовых тральщиках. На Чукотке полярные сияния различных форм (драпри, корона, просто свечение неба) бывают довольно часто, но цветные встречаются очень редко.

* * *

26 июля. До обеда было относительно тихо, поэтому научные подразделения и даже радисты (обычно они и врачи-хирурги в таких авралах не участвуют — как и пианисты, берегут свои пальцы) помогают транспортникам в их нелегком труде. Производится ремонт и восстановление огромных тяжелых гусениц с уширителями тягачей АТТ и «Харьковчанок». Забиваются новые пальцы, заменяются старые, с трещинами, траки. Как обращаться с «Катюшей» или, по-научному, с «микрометром», а попросту с кувалдой, нас учат молодые водители-механики, бывшие недавние танкисты Анатолий Щеглов и Василий Рыскалин (как тяжело было вскоре узнать о их нелепой гибели в Антарктиде). Мы с Петером Ничке тоже махаем кувалдой около двух часов. Временами сердце колотится так, словно хочет вырваться из грудной клетки. Тогда немного отдыхаем. Каково же походникам во время движения по куполу на высоте более трех тысяч метров при дефиците кислорода, когда лопаются стальные пальцы и мощный тягач беспомощно останавливается из-за распутившейся гусеницы. Вот тогда там подобная работа на морозе под семьдесят градусов — адский труд!

Постепенно потянул поземок, бегу в синбюро, быстро наношу данные на карту погоды, делаю тщательный анализ синоптической обстановки и в обед по трансляции вынужден дать штормовое предупреждение:

— Товарищи полярники! Во второй половине дня ожидается значительное усиление восточного ветра до ураганного, при полном отсутствии видимости. На улицу выходить только группами. Будьте осторожны!

Действительно, к вечеру ветер в порывах доходил до 35 метров в секунду. Во время урагана на советских антарктических станциях соблюдается «железное», выработанное очень дорогой ценой, иногда даже жизни неосторожных полярников, правило предупреждать жильцов дома, из которого выходит группа, и обязательно — телефонный звонок в тот дом, куда люди

направляются. В это время в обоих домах следят за контрольным временем передвижения полярников. По истечении этого времени на поиск потерявшихся должна отправляться спасательная партия, которую специально готовят и тренируют из физически крепких и опытных ребят. В нашей экспедиции ее командир наш шеф Виталий Кузьмич Бабарыкин.

* * *

12 августа. Всю неделю пуржит. Ежедневно предельные отметки больше 25 метров в секунду. Дальше в лес — больше дров. Сегодня опять знаменательный день: ветер достиг в порывах своего максимального значения за нашу зимовку — 50 метров в секунду, а средний за 10 минут составил 40 метров в секунду.

При выходе из дома первая задача — вылезти на сугроб. Это не так-то просто. Дом наш опять окончательно занесло, и мы начали выбираться на свежий воздух через люк на крыше. Все оглушительно гремит и свистит, жуткая круговерть, видимости никакой. Вертикально встать нечего и мыслить, так как ураган могучим давлением сразу сшибает с ног. Приходится идти низко пригнувшись, осторожно, наощупь ставя ногу вперед, желательнее за какой-нибудь заступ. Хорошая обувь в пургу только резиновые сапоги с толстой подошвой, валенки ужасно скользят и не удерживают на жестком, обледеневшем снегу. Вторая задача: добраться до леера, до него метров десять, но важно не промахнуться. Крепко уцепившись за леер, уже можно передвигаться в нужном направлении, но подстерегает другая опасность: с саней, что стоят возле кают-компания и на которые дежурные выбрасывают с камбуза деревянные бочки, ящики, коробки, банки и другой мусор, время от времени с огромной скоростью пролетают разные, иногда довольно тяжелые предметы, достаточные, чтобы в случае прямого попадания покалечить или ушибить человека. (Такие случаи история Мирного на памяти имеет). Поэтому приходится еще ниже пригибаться, чтобы уменьшить поле собственной мишени. Когда со свистом что-то пролетает совсем рядом, но мимо, поневоле приходится бормотать вроде: «Пронеси, Господи!». Иногда хочется попытаться взглянуть вперед, но мощным напором мгновенно забивает нос и рот; легкие до отказа полны воздухом, задыхаешься, как под водой. Мелкий перетертый снег мириадами иголок беспощадно и больно бьет в лицо, как песком, режет глаза. Снежная пыль настолько мелка, что забивается буквально во все складки и малейшие отверстия одежды. Мои рукавицы предусмотрительно связаны длинным шнуром, продернутым в рукава, как у детишек в детском садике. Эта мера вовсе не лишняя. Народы Севера тоже пришивают рукавицы к малице или парке, чтобы их не сорвало ураганным ветром. Ряд «мирян» свои рукавицы уже «посеяло». При ветре свыше 30 метров в секунду полярники по поселку передвигаются только группами, в связке. Это и безопаснее и веселее. Уместно при этом заметить, что оказавшись один на один с разбушевавшейся стихией, неопытный человек нередко теряет, что чревато самыми непредсказуемыми последствиями. Самое неприятное — потерять ориентацию в пространстве, заблудиться. В отдельных случаях могут быть полезны следующие советы. Не кидаться без толку в стороны, терпеливо ждать малейшего просвета или кратковременного ослабления урагана, чтобы увидеть какие-нибудь заметные предметы-ориентиры: фонари, вежи, столбы, дома, технику и т. д., которые следует накрепко запомнить еще заранее, в хорошую погоду. (Эффективно и надежно поступил японец Кейзо Фунатсу из международной экспедиции «Трансантарктика», что на собаках пересекла всю Антарктиду в 1989—90 гг. Недалеко от Мирного, попав в пургу, он закопался в снег, переживая погоду более 14 часов). В подобной ситуации важно не заснуть, иначе во сне можно замерзнуть. При внезапной пурге на Чукотке местные жители, как правило, тоже закапываются в снег, ожидая улучшения погоды иногда по несколько суток.

ГОЛУБКА

— ХОХЛАТКА

Зарисовка с натуры

Зимой птицы просыпаются поздно — холодно, голодно. Первыми подают о себе знать синицы: многократное, нетерпеливое тук-тук-тук-тук! — и к салцу, что висит за моим окном в сетке, специально для них. Там, в сетке — кусочки колбасы, рыбы, вареного мяса, но сало — излюбленная пища желтогрудых красавиц и истребляется острыми клювиками в первую очередь и дочиста.

Растрепы-воробьи — вегетарианцы, к мясному не дотрагиваются, им подавай крупу, хлебные крошки, остатки булки, комочки любой нежирной каши.

Мне доставляет несказанное удовольствие наблюдать птичью возню за окном — посиделки, мелкие свары, драчки, — притом, всякий раз — на иной манер. Для меня эти живые картинки — заряд хорошего настроения на весь трудовой день.

Синицы ведут себя независимо — гордо, воробьиною мелочью словно бы и не замечают. Бывает, наклевавшись салца, с налету упадет синичка камешком в самый населенный воробьями пищеблок, ради озорства выхватит из-под воробьиного клюва кусочек хлеба — и ходу! Уцепится своими железными коготочками за тонкую березовую ветку, уместит между лапками добычу — не ест, разглядывает воробьиною поживку, удивляется, отчего это они в таком восторге!

Воробьи, хотя все в одну масть, но не безлики! Каждый — оригинал, индивидуальность и по характеру повторяют человеческие типы. Есть холерики — агрессивны, действуют энергично, насыщаются быстро, и так же быстро возвращаются к пирушке после отдыха, не забыв тщательно почистить клювики. Сангвиники наблюдательны и осторожны, к лю-

бому действию приступают, хорошенько все обдумав и взвесив. Флегматики — редкость, но и они встречаются и заметно выделяются среди воробьиного семейства. Безучастные ко всему, они пропали бы с голоду-холоду, если б не сородичи — растормошат, похлопают крылышками сонливого братца по одному месту и очнется лентяй, расшевелится — глядишь, и презимует с общей помощью.

А еще есть выдающиеся личности! Танцор, например. Насытится, перепорхнет на самый край тонкой березовой ветки — и давай прыжками ветку раскачивать, замысловатые па хвостом и крылышками выделять. Мне даже смех его веселый слышится. Жаль, нечем заснять для всеобщего показа.

Холодные, голодные, еще сонные с ночи воробьи не враждуют, а тихо, мирно, согреваясь друг о дружку, клюют с кормушки, что бог послал. Но как только насытятся, оживут, так и начинается «выяснение отношений»! Тут и разинутые до ушей пасти — клювики, и взъерошенные хохолки, и «чик-чирик» такой угрожающий, что тот, кто послабее, отступает... чтоб, перепорхнув через обидчика, присоседиться с другой стороны к лакомому кусочку. Один с налету разгоняет всех, другой мирно передвинется в сторонку, уступая место товарищу. «Разведчик» не станет насыщаться сам, в одиночку, — подлетит, глянет, пополнилась ли кормушка чем-нибудь вкусеньким — и улетит за компанией. Кстати, даже в холода воробьи разборчивы — любят пшено и белый хлеб; перловку и черный хлеб — не очень. А синицам на десерт подавай яблоки или морковь — витамины у них в цене!

Иногда, редко и позже всех, прилетают поживиться остатками ленивцы-голуби.

А вот сюжет не только необычный — уникальный, трудно поддающийся разумению. Возможно, я и здесь, как в описании шалуна-танцора, возвожу в ранг загадки природы явление, понятное для знатоков птичьих повадок. Да и вряд ли тут нужен анализ, главное — редкостный факт!

Мое внимание привлекла необычная, какая-то новая для меня интонация в ворковании голубки. Да и воробьи за окном пищали-чирикали как-то по-особому, озорно и весело. Что бы вы думали! Голубка, как наседка, скликала под свои распахнутые крылья воробушек и точно, как заботливая хохлатка, тыкала в зерна клювом: «вот-вот-вот, здесь-здесь-здесь!» Воробьи дружно-радостно порхали вокруг, прыгали, носились туда-сюда, как цыплята-желторотики, лезли под крылья голубки, а озорники лихо отплясывали на ее спине какой-то экзотический танец, потом, как с горки, съезжали вниз!

Нарезвившись, воробьи-деточки улетели, а голубка уселась в уголочек оконного карниза, терпеливо поджидая, когда

вернутся озорники. Точно! Как только вновь появились воробьи, голубка вступила в свою роль заботливой мамыши, а воробьи, осмелев, начали перебранку за самое теплое местечко под «маминым» крылом. Прилетел голубиный сородич, хотел было присоединиться к компании, поживиться, голубка воинственно клюнула его и наступательно-настойчиво, бочком-бочком, где хвостом, где клювом оттеснила пришельца на самый край кормушки. Так он и улетел, не полакомившись.

Это представление с целым рядом нюансов, забавных воробьиных штучек, с терпеливым отношением к этим штучкам новоявленной мамы длилось, день-в-день, две недели. Потом, как в недоброй сказке... пришел Серый Кот. Самого кота я не видела, только кошачьи следы на снегу. Воробьи и синицы мои постоянные гости, а удивительная голубка не прилетает. Каждое утро, как только заслышу птичью возню за окном, я зываю к небесной сини: «Вернись, прекрасное мгновенье, вернись прекрасная голубка!»

А. Горустович.

Рис. А. Мухаметовой.

фото Л. Березницкого.

2.50

